

18+

Владимир ПИМОНОВ

ЧТО ЕЩЁ ДОБАВИТЬ?

Владимир Пимонов

Что еще добавить?

События. Люди. Книги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58120029

ISBN 9785005143266

Аннотация

В сборнике статей В. Пимонова, члена Русского ПЕН-центра, читатель в полной мере ощутит журналистское равнодушие и особое внимание автора к деталям. В первой части читатель познакомится с откликами на факты культурной жизни Москвы и Подмосковья. Посещая художественные выставки, творческие вечера, концерты, автор тонко показывает значимость описываемых фигур в сфере искусства. Вторая часть – интервью с деятелями культуры. Часть третья – подборка рецензий за нулевые-десятые годы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

В полемике с Довлатовым.	6
Часть I	13
«Ла-ла-ла, мы взойдем на пьедестал!»	13
«Зима, Мария, пустота»	18
«ОстатьСя в России – быть болью еЁ»	22
«Царская башня».	28
«Серенькая лошадка»	35
«Талантливость читателя – это его чуткость»	39
Между реализмом и фантастикой	44
10 лет без Валеры	47
Шекспировские чтения	50
Оркестр мечты	56
«Ломаю слов подмоченные спички...»	59
«О чем поет ночная птица...»	65
2020-й. Вечер памяти	68
Беседы о художественном переводе	74
Поэзия без понтов и рисовки	80
Онегин-блюз	85
Рискованное мероприятие	87
«Все любовь, что ни спросите!»	90
Астры и «Профиль чЁртика на штукатурке»	99
Это был диалог	106
Праздник узнавания	112

И отрастали пейсы у меня...
Конец ознакомительного фрагмента.

116

118

Что еще добавить? События. Люди. Книги

Владимир Пимонов

Корректор Венера Ахунова

Дизайнер обложки Александр Грохотов

© Владимир Пимонов, 2020

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4326-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В полемике с Довлатовым.

Предисловие Елены Сафроновой

«Я перелистывал „Дневники“ Алексея Вульфа. О Пушкине не говорилось дружелюбно, иногда снисходительно. Вот она, пагубная для зрения близость. Всем ясно, что у гениев должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый – гений?!»

Так писал Сергей Довлатов в повести «Заповедник» о буднях Пушкинского музея-заповедника на Псковщине. Произведение это стало культовым отнюдь не только для «довлатоведов». Огромную эстетическую и социальную, не побоюсь этого слова, ценность имеют по сей день обозначенные Довлатовым «болевы́е точки» амбивалентности (если говорить мягко) бытования искусства в обыденной жизни, культурного просвещения и восприятия художника обществом. Фразой о гениях и их знакомых Сергей Донатович четко сформулировал и «застолбил» ту известную нам всем и привычную ситуацию, когда окружение пытается зрительно «приуменьшить» масштаб незаурядной, яркой личности – то из близородственных чувств, а то из нездоровой конкуренции...

Но из этого фактически правила, к счастью, встречаются исключения. Исключения – авторы и исключения – книги. Одну из таких книг-исключений – сборник статей Владими-

ра Пимонова «Что еще добавить? События. Люди. Книги» – читатель держит в руках. И я рада поздравить обе стороны с этим достижением – с тем, что автор и его аудитория вновь «нашли друг друга»! Большая часть материалов, составивших книгу Пимонова, уже ранее выходили в периодических литературных изданиях, на сетевых порталах культурного профиля или появлялись на странице Владимира в facebook, неизменно вызывая прилив лайков и оживленное обсуждение публики. Теперь лучшие – не лучшие (на мой взгляд, все работы Пимонова одинаково качественные), но самые, вероятно, дорогие автору тексты собраны под одной обложкой. Именно в такой конфигурации, как гласит подзаголовок. Первая часть – «События» – это горячие, непосредственные отклики на факты культурной жизни Москвы и Подмосковья. Вторая часть – «Люди» – интервью с деятелями культуры; причем как обладающими всероссийской известностью (Сергей Филатов, Леонид Бородин), так и сергиево-посадскими авторами Валерием Голубевым, Еленой Михайленко и другими. У интервьюера в отношении каждого из них присутствует неподдельный человеческий интерес – а это залог успешного, проникающего в глубины чужой личности интервью. Наконец, третья часть, «Книги» – подборка рецензий, написанных автором за нулевые-десятые годы.

Но прежде, чем представлять книгу, которую читатель готовится «усвоить», необходимо сказать несколько слов об ее авторе. Член Русского ПЕН-центра Владимир Пимонов – че-

ловец, обладающий несколькими профессиями (по первому образованию – геолог, по долголетнему стажу работы – журналист) и многими дарованиями. В библиографии Пимонова сегодняшней сборник статей – отнюдь не первая печатная книга. У него выходили поэтический сборник «Гудели шмелики» и сборник малой прозы «Пастушьей сумки патерик» (похоже, жанр короткого высказывания – основной для автора), а еще прелестная автобиографическая повесть «Папа и голуби», также составленная из самостоятельных завершённых очерков, соединённых в цельную панораму, как бусинки сливаются на нитке в привлекательное ожерелье.

Мы познакомились с Владимиром в начале XXI века, когда он был очень своеобразным поэтом и главным редактором самобытного южнорусского литературно-публицистического журнала «Родомысл», который печатал не только стихи и прозу талантливых авторов Донбасса и русскоговорящих украинских территорий, но и общественно-значимые очерки о культуре, быте, политической обстановке этого региона. Жизненные обстоятельства прекратили существование «Родомысла». Но журналистское неравнодушие Владимира Пимонова и внимание к деталям, из которых складывается картина мира, никуда не делись. Более того – со временем они привели автора к деятельности арт-критика, для которого веками прожитых дней становятся художественные выставки, творческие вечера, концерты, прочитанные книги, просмотренные фильмы...

Кто-то недоуменно пожмет плечами: обычная работа журналиста, поденщина, что в ней такого, заслуживающего отдельной книги?.. Позволю себе не только не согласиться с этим гипотетическим возражением, но и даже предположить, что и упомянутый выше Сергей Довлатов тоже поспорил бы. Ведь его лаконичные зарисовки «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM» вошли в золотой фонд русского нон-фикшна.

Кстати, со дня смерти Сергея Донатовича в 2020 году исполнилось 30 лет. Книга Владимира Пимонова выходит в том же году. По-моему, это не случайное совпадение. Смотрите, как совершенно по-довлатовски начинается заметка Пимонова «Шекспировские чтения» от 2017 года: «В пятницу мне подарили блокнот. Лучше, конечно, если б это был ежедневник в кожаном переплете. Тем не менее сам посыл заслуживает похвалы и закрепления традиции. Представляете, каждую пятницу – ежедневник или, в крайнем случае, – блокнот. Пусть даже карманный. Вот такая мелочная, можно сказать, крохоборская у меня позиция. Такая, впрочем, как у Шекспира!..»

По-моему, Владимир Пимонов писал свои отзывы на вечера, встречи и книги с целью доказать: творческий человек способен верить, что его знакомые – если не гении, то значимые фигуры в своей сфере искусства. Более того, он настойчиво проводит мысль, что нормальное, естественное желание творческого человека – показать это своеобразие, эту

самодостаточность, эту литературную, живописную, певческую прелесть собратьев по цеху. Слово «знакомые» я употребляю, разумеется, не в значении «родства-свойства», а в смысле духовной близости и взаимопонимания. Скажем, как литературный критик Владимир Пимонов не работает «на конвейере», а выбирает из неоглядного (и порой довольно мутного и капризного) потока текущей литературы лишь такие тексты, что вызывают в нем живой отклик – прежде всего эмоциональный. «Название книги приятно цепляется за язык звуком «л». «Моль для гламура». Такое себе мелодичное молдаванство. Помните, «...меланколие дульчемелодие»? Из репертуара незабвенной Софьи Ротару», – так начинает он, к примеру, рецензию на роман в рассказах современной писательницы Лидии Скрябиной. «...исповедь» заставляя трепетать душу», – говорит о первой части поэтического сборника Ольги Аникиной «Кулунда», которая называется «Вместо исповеди».

Критические отзывы Пимонова нельзя называть рецензиями в строгом жанровом понимании – они всегда очаровательно субъективны и не гнушаются сломом канонов, даже разговорным стилем (излюбленное слово нашего рецензента – «фишечка», прошу любить и жаловать). Зато в этой вольности он может ближе подойти к духу и букве описываемой книги, которая при таком подходе становится не «объектом рассмотрения», а поводом для переживания. Владимир Пимонов – из тех читателей, которые для изложения

поэтики *другого* изобретают собственную поэтику. Причем поэтичность присуща критическим текстам Пимонова, даже если речь о прозаиках. Среди интересующих его авторов – Юрий Арабов, Борис Евсеев, Александр Кабанов, Андрей Коровин, Катя Капович и многие другие «постоянные величины» современной русской литературы со всего мира. И в каждом отдельном случае Владимир видит нечто, не замеченное или недооцененное прочими рецензентами: «У Капович все картинками. И картины эти далеки от абстракции, додумывать ничего не надо, все зримо и ясно. Потому что включен свет и все видно»; «Кабанов пишет – ни много, ни мало – свой вариант Библии. Он как бы переосмысливает Книгу Книг, прививает ее на украинскую почву, к современной истории Украины и России. Делает это смело, дерзко и страстно на своем невероятно образном русском языке»; «По структуре книга Арабова напоминает собой сценарий. И это естественно, ведь творчество Юрия Николаевича, заведующего кафедрой драматургии во ВГИКе, мы знаем, прежде всего, по его блестящим работам в кино. ... Так и здесь, возможно, „Огонь“ являет собой предтечу гениального сценария». За эти пристальность взгляда и благородство посылы хочется сказать Владимиру Пимонову большое спасибо – и предоставить, наконец, читателю возможность углубиться в книгу.

Р. S. Не скрою: в данной книге есть рецензии и на мои труды. Не кривя душой: мне это приятно. Но еще более при-

ятно, что кто-то, наконец, делом опроверг блестящий афоризм Сергея Довлатова.

*Елена Сафронова, литературный критик, публицист,
прозаик*

Часть I

События

«Ла-ла-ла, мы взойдем на пьедестал!» (О посещении футбольного матча «Спартак» – «Ростов» в октябре 2016 года)

Сумасшествие таки произошло, точнее, я к нему прикоснулся, окунулся даже. В общем, побывал я на футбольном матче. Афиша такая: «Спартак» – «Ростов». Последний раз на настоящем футболе я был в 1985 году в «Лужниках». Тогда в финале Кубка СССР играли киевское «Динамо» и донецкий «Шахтер». Народу, помнится, было немного, сидели на деревянной скамейке, вроде бы даже семечки щелкали. Сейчас футбол другой. В командах полно иностранцев, да и само действо напоминает эстрадное шоу.

Но обо всем по порядку. Утром накануне матча у нас в Сергиевом Посаде я ходил в магазин мимо нашего стадиона «Луч», на котором мяч гоняли какие-то мужики. Гоня-

ли самозабвенно, с полной отдачей. Я даже остановился посмотреть на минутку. Почему-то вспомнились слова какого-то отечественного современного тренера о том, что Россия не футбольная страна. Почему не футбольная? Очень даже футбольная.

Это доказал спартаковский красавец-стадион. Нашел же «ЛУКОЙЛ» деньги, точнее, не пожалел. Ехал туда не болеть, а скорее – на экскурсию. К тому же на Донбассе, где я родился, к московскому «Спартаку» всегда было отношение несколько предвзятое, даже презрительное. Поэтому подспудно я желал победы «Ростову». Ведь Ростовская область рядом с Донецкой — можно сказать, почти земляки. Хотя какие там земляки? У руля – туркмен Курбан Бердыев, полузащитник – колумбиец Нобоа, защитник – испанец Навас. Все-таки никогда мне не привыкнуть к легионерам в нашем футболе. Но, в конце концов, не это главное. Главное, я не поленился потратить свой выходной и, как сказал пригласивший меня на матч Саша (кстати, очень преданный и отчаянный болельщик «Спартака»), мол, вы начинаете светскую жизнь.

И знаете, я не пожалел. Хотя сам футбол у меня вызывал, скорее, улыбку – ей-богу, мужики-любители на «Луче» играли куда веселее и без всякой подлинки. Поразил стадион, а еще больше – фанаты. Уже в метро они начали дружно лужеными глотками распевать песенку с незатейливой рифмой «Оле-ола, Спартак-Москва». Практически все с красно-белыми шарфиками, у некоторых они были повязаны на ру-

каве, как у похоронной команды. У стадиона поразила своей нелепостью фигура гладиатора с мячом, видимо, таким скульптор представил себя легендарного Спартака – борца с римским режимом за свободу рабов.

При проверке билетов – пришлось поднять руки и развести их в сторону – такие правила: каждого пришедшего на стадион нужно обыскать. Да, на билете была написано: «Мы все одной крови». «Ой, не знаю, не знаю», – подумалось мне.

Перед началом матча заводил публику диджей, который бегал по полю с листочками и микрофоном. Тут же ходили люди в зеленом – было такое ощущение, что собирают окурки. Тем не менее на душе, как и на стадионе, было светло и радостно. Вот специально отведенная зона для инвалидов, вот туалет, вот небольшая кафешка, где можно купить чай, пепси, бутерброды. Правда, только по безналу. Кстати, чашечка чая в бумажном стаканчике – 100 рублей. Говорят, когда-то она стоила 85, но типа Федун округлил.

Наконец, вышли футболисты обеих команд, причем выстроились так, что спинами, точнее попами, стояли ко мне. Оно и понятно, на той стороне сидит начальство и вип-гости, к ним лицом надо. Потом с 90-летием поздравили Никиту Симоняна – икона клуба, однако. Он бодренько пнул пару раз по мячу в сторону той и другой команды. На фанатской трибуне в это время развернули внушительный плакат: «С юбилеем, Никита Павлович! Человек-Футбол!»

Наконец, началась игра. Фанаты стали прыгать, как на Майдане. Так они и пропрыгали весь матч. Всю игру не замолкал барабан. Пелись песни, жгли дымовушки. Но футболистам было по фигу, они ходили по полю и били друг друга по ногам, иногда по голове. Из фанатского репертуара (это было, пожалуй, самое интересное): «Ла-ла-ла, мы взойдем на пьедестал!», «Пусть боятся кони и немытые бомжи». Кто не знает, «кони» – это футболисты и болельщики ЦСКА, «немытые бомжи» – зенитовцы. Прикольно было видеть, как все друженько начинают, что называется, шелестеть ручками (как мне сказали, по примеру дортмундских болельщиков), или выкрикивать под барабанный бой знаменитый «Хук!» (позаимствовали у исландцев на последнем чемпионате Европы), или дружно раскручивать шарфики над головой. Напротив спартаковских фанатов в угловом секторе ютились «болелы» «Ростова». Они развернули свой плакат с надписью на латинице «Ultras». И тоже пытались прыгать, но недолго. И не то чтобы «Ростов» плохо играл — просто, видимо, ленивые.

Понравилась переключка трибун, выкрикивавших нецензурные, но забавные фразы «Е-ать коней!» или «Красно-сине ган-оны!» (потом сами себе аплодировали). Эта переключка предназначалась ЦСКА. Хотя странно, играли-то с «Ростовом». Но, как мне объяснили, таким образом спартаковские фанаты давали понять ростовским футболистам, что они вообще не команда и их считают выскочками-про-

винциалами. Ну, выскочки не выскочки, а победить «Ростов» спартаковцам явно помог судья, который удалил двух ростовчан. Как кто-то сказал, таким образом «Газпром» рассчитался и отдал должок за несправедливый пенальти в предыдущей игре с «Зенитом». И болельщиков «Спартак» это явно устраивало. В конце концов, безликая игра их команды забудется, а результат останется. К тому же «Спартак» продолжает идти на первом месте в чемпионате России.

После игры нужно было успевать на электричку, в метро пришлось пробежаться, еще даже подумалось, что я бегаю быстрее, чем футболисты, играющие в высшей лиге.

В электричке, в первом вагоне, на стене был наклеен рекламный плакат, на котором изображалась ж-па в джинсах, а на сиденьях ближе к выходу все было залито кровью. Резали кого-то, что ли? Получилась вполне зловещая переключка со словами на билете «Мы все одной крови».

Октябрь 2016

«Зима, Мария, пустота»

Уж коли взял с собой листочки, на которых к тому же что-то записывал во время действия, то надо отчитаться. В общем, о творческом вечере Маши Ватутиной. Моноспектакль под названием «Зима. Мария. Пустота» проходил в Театральном зале Булгаковского дома. 7 ноября. Душа требовала революции. Хотелось парада и демонстрации. И Москва (и Московская область тоже) эту «революцию» получила по полной. От моей работы до Булгаковского дома – пройти-то всего ничего, минут 10—15 прогулочным шагом. Но я поступил разумно – пешком не пошел. Решил воспользоваться троллейбусом. Рядом с остановкой в ожидании общественного транспорта началась настоящая бомбардировка – ребята из ЖКХ сбрасывали снег и лед с крыши. Было стремно. К тому же то и дело норовили обрызгать проезжающие мимо автомобили. Еще подумалось – все они едут на вечер к Маше, послушать стихов. Забегая вперед, скажу, что так оно и получилось – к началу представления зал был практически полон. Попробовал подсчитать зрителей – где-то ближе к восьмому десятку сбился со счета. Вот это да! Практически ночь, морось, с крыш падают ледяные глыбы, скользко, а люди хотят слушать поэзию. Вообще, Мария Ватутина, судя по всему, притягивает к себе такие аномалии. В июне во время проведения турнира поэтов на Красной площади

(где Маша стала победителем) погодка была еще та – ветер, холодный дождь. Видимо, для Маши это нормально.

В Булгаковском я появился одним из первых. Зал пуст. На сцене: скамейка, маленький столик, вешалка, два микрофона, в качестве задника – экран. И Мария уже здесь – сосредоточена, красива. Перед ней листы со стихами, похоже, она мысленно их перечитывает, готовится. В фойе приобрел у Володи (сына Марии) книгу, к ней еще полагался авторский диск (как сказала Маша, «не судите строго, это моя самодеятельность»). Взял автограф, расцеловался с автором и поспешил занять место поближе к выходу (мне ведь предстояло еще успеть на электричку). В заявленное время (20:00) спектакль не начался. Обычное дело, шептались между собой знающие зрители, пока не придет Андрей Коровин, мероприятие не начнется. Но вот Андрей появился на сцене – представил автора, рассказал о турнире поэтов на Красной площади и его организаторах, попросил отключить мобильники и не аплодировать (просьба Маши) между стихотворениями. Потом выступил Игорь Волгин – «прекрасный наставник и старший друг», у которого Мария занималась на семинаре в Литинституте. Игорь Леонидович предложил на следующем турнире поэтов на Красной площади читать стихи с Лобного места, он также вспомнил, что с появлением Маши на семинаре «поднялась планка разговора», что ее поэзия «совпала с нервом времени», что Мария Ватутина – «крупное явление в современной поэзии». У нее

сложный творческий путь, при этом она все время развивается, в каждом стихотворении «дает необычное нравственное состояние...».

А потом в зрительном зале погасили свет. Зазвучала балалайка (кажется, Архиповский в записи). На фоне музыки Мария Ватутина начала читать стихи. Чуть с хрипотцой, кисть правой руки постоянно в движении – как бы помогает чтению.

Это был настоящий спектакль настоящего актера, игравшего роль поэта. Не скажу, что мне это близко (мне, честно говоря, больше нравится, когда автор читает просто, даже без выражения, без актерских приемов – но это мой личный забобон). Тем не менее понравилась сама задумка, режиссерская, так сказать, смелость. Исполнение нескольких стихотворений (про Воронина и про Уланову), а также удивительные песни (особенно про маленький цветочек!) тронуло и заставило содрогнуться. Маша продемонстрировала три, точнее, четыре, подачи своих стихотворений: наизусть, с листа, с экрана (в виде поэтического клипа) и в качестве песни. Вот некоторые цитаты, которые я успел записать в темном зале: «душа беременна победами», «помешивая в чугунке слова», «смерть – первооснова тверди», «как пытали нас в роддоме», «Воронин был не белое крыло», «я готова стоять на голом известняке».

О песнях. Это очень самобытно и с какой-то народной напевностью, надрывностью. Низкие ноты в исполнении Ма-

рии Ватутиной – это нечто...

Но, к сожалению, мне нужно было спешить на электричку, убегал под удивительную песню «У меня есть тайна» (помните, в исполнении Утесова?), которую пел специальный гость – Ринат Джанибеков – Машин ученик...

До метро и по метро, по эскалатору и по переходу бежал бегом. В голове звучало: «Ой, лада моя, ой, лада моя». На электричку успел впритык, уселся, сразу же достал Машину книгу и начал читать.

Ноябрь 2016

«ОстатьСя в России – быть болью еЁ»

Какой вкусный чай в Булгаковском доме! Так и называется – чай Булгаковский с ягодами и добавлением магии. К магии я отношусь скептически, к Михаилу Булгакову – с уважением, а Валерия Прокошина – просто люблю. Поэтому когда Андрей Коровин пригласил на вечер памяти Валеры в Булгаковский дом, я, конечно же, согласился. Перед вечером у меня было много времени. Чтобы как-то убить его, ездил по кольцевой, думал о том, что сказать о Валере, какие стихи прочесть. В голову ничего не лезло. Вспоминались редкие встречи, как мы пили пиво на Гоголевском бульваре, или первая встреча в театре Луферова «Перекресток» на Соколе (был такой), туда мы зарулили с Сашей Кабановым... Потом в голову почему-то пришла строчка из Салмана Рушди «Что важнее – любовь или истина?». Подумалось, почему опальный писатель противопоставляет эти понятия и что бы по этому поводу сказал Валера – у него, мне кажется, любовь и истина были бы тождественно равными, как говорят математики, величинами... Вот с такими мыслями я вышел на Маяковской, и мне в глаза сразу бросились здоровенные буквы, подсвеченные лампочками – ЛЮБОВЬ. Я был ошарашен. Не успеешь нормально подумать, а вот и знаки, вот и любовь. Ко мне подбежал какой-то пар-

нишка, всучил мне флажок-триколор, предложил пожертвовать денежку большим раком. Опять знаки. Валера-то умер, борясь именно с этим недугом. Я достал мыльницу, стал фоткать и ЛЮБОВЬ, и того паренька. Но молодой человек замахал руками, надвинул на голову капюшон с возгласом «Вы чего!» – отвернулся. Подумалось, может быть Рушди все же был прав?..

Но нужно идти в Булгаковский... Было душевно и тепло. Хотя я помню, когда Валера говорил, как ему тяжело здесь читать – «будто давит что-то, себя не слышу». Все же, думается, это у него было разовое впечатление.

Вечер открыл Андрей Коровин.

*Не жалеть эту жизнь, никогда не жалеть, не беречь,
Пусть проходит она неразумно, как детская речь,
Как течение реки, как течение света во тьму...
Ощущенье, что жизнь непонятна лишь мне одному.
Смысл ее ускользает ребенком, рекою, лучом,
А начнут объяснять – не могу догадаться: о чем?*

Дальше Андрей рассказал о том, что Валерия Прокошина нет с нами 8 лет. Что за это время удалось организовать несколько публикаций. Валерий, живя в провинции, стал настоящим столичным поэтом. В 2014 году была учреждена Прокошинская премия, нацеленная на поддержку талантливых людей из глубинки. В планах у организаторов издать большое избранное Прокошина, куда можно было бы вклю-

чить, кроме стихов, еще и прозу, пьесу, сказки – ведь многое еще остается неопубликованным.

На вечере выступила Алина Симонова. Она исполнила две песни на стихи Валеры. Одна из песен прозвучала достаточно необычно – как речитатив – завораживая:

Это было в детстве, я помню, на раз-два-три...

Так мне и надо:

Закрываешь глаза и видишь себя внутри

Райского сада.

А потом проживаешь век, словно вечный бой,

Как и все – грешный.

Собираешь камни и носишь везде с собой,

Глупо, конечно.

Смотришь в воду, где плавают рыбы туда-сюда:

Карпы, сазаны...

Закрываешь глаза и видишь внутри себя

Свет несказанный.

Наталья Никулина из Обнинска, занимающаяся публикациями Прокошина в Калужской области, рассказала о региональном журнале «ЛиФФТ». «В Обнинске Валерия Прокошина знали меньше, чем в Москве. Точнее, меньше понимали, – констатировала Наталья. – Поэтому так важно, чтобы о нем как о большом поэте знали, прежде всего, земляки». Вызвал улыбку рассказ Никулиной о том, как однажды было организовано совместное выступление музыкантов, испол-

няющих классические произведения, и Валерия Прокошина. На этом мероприятии Валерий прочел стихи из своего цикла «Высокое порно», чем ошарашил музыкантов. Некоторые из них не понимают его стихи до сих пор.

*В ожидании весеннего дождя
Мы сплетаемся корнями диких трав
На глазах окаменевшего вождя.
Пусть он смотрит сквозь проталину стекла,
Как мы любим до безумия в крови,
Как империя мистического зла
Превращается в империю любви.*

На вечере также выступила первая победительница Прокошинской премии – Ольга Шилова из Мещовска Калужской области.

Свое «скромное видение» о судьбе поэта высказал Леша Ефимов. «Валеру убила любовь к Родине, – заметил он. – Сколь сильно он ее любил, столь сильно и ненавидел. В этом разрушающем противоречии невозможно долго находиться. Но печаловаться об этом смысла не вижу. Смерть – начало нового пути». У Леша за спиной был шаманский бубен, стихи из книги Прокошина он читал, подсвечивая себе фонариком.

*Как больно:
Однажды проснувшись среди ночи,*

*Увидеть в окне отраженьё свое —
Из слез, и дождя, и других многоточий...
Подохнуть в России – стать прахом ее.
Как сладко:
Во мрак погружаясь, как прежде —
На самое доньшико, в небытие,
Не ведать, что это, быть может, надежда
Остаться в России – быть болью ее.*

Большое впечатление оставило выступление Татьяны Квашниной из Боровска. Она привезла с собой много архивных материалов. Квашнина высказала свою догадку о причине раннего ухода поэта. «У него была Муза. И страдания его были очень велики. Умер он из-за нее», – такими словами Татьяна начала рассказ о великой женщине – Людмиле Георгиевне Киселевой. Будучи с детства прикованной к инвалидному креслу, – последние несколько лет она вообще не встает с постели – Людмила Киселева ведет (до сих пор!) большую общественную работу. Она организовывала восстановление храмов в Калужской области, добивалась для обездоленных детей-сирот, больных ДЦП, проведения уникальных операций, находила для них родителей. Опекала четыре детских дома, сама создала с нуля детский центр для обездоленных детей, в котором, кстати, работал социальным педагогом и Валерий Прокошин. Людмила – великолепный художник, вокруг нее всегда были люди творческие, талантливые. Именно у нее на квартире по улице Володарского, на дверях

которой долгое время красовалась надпись «Миру – мир!», Валера читал свои первые стихи. Их переписывали от руки и увозили, как какую-то драгоценность, в различные города страны. Татьяна Квашнина показывала эти пожелтевшие листочки со стихами. Она также привезла с собой первые его публикации, которые были сделаны в Боровской городской газете «За коммунизм».

*Мы с тобой два облака, облака, облака
Над зеленым полем, зеленым, зеленым,
На котором мальчик в красных шароварах
Ловит наши тени оранжевым сачком.
Любимая, не надо, не надо, любимая,
Не спеши к закату, с ветром не играй.*

В заключение вечера Андрей Коровин высказал мысль о том, что творчество Валерия Прокошина делится на два периода – ранний и поздний. И если ранний период говорит о недоюжинном таланте поэта, то уже в конце жизни его голос зазвучал на полную мощь, его стихи стали классикой.

Февраль 2017

«Царская башня».

Выставка Павла Рыженко

Побывал на выставке художника Павла Рыженко. Честно говоря, давно искал встречи с его картинами, с его творчеством. С самим художником встретиться уже не получится. Он умер два года назад. Ему было 44.

Адрес выставки – Комсомольская площадь, дом 2, «Царская башня». Шел, собственно, на ориентир Царской башни – то есть метро Комсомольская, Казанский вокзал. Вышел из метро. Ветрено. Мелкий, косой, противный – то ли дождь, то ли крупинки снега, то ли то и другое. Вот-вот наступят сумерки. Куча народу. Кому на электричку, кому на поезд, кому на автобус – кто-то едет в Ульяновск, кто-то в Самару (эх! Самара-городок, беспокойная я!). Ну, а я ищу Царскую башню, я хочу видеть картину Рыженко «Зонтик». Помните такую? У расстрельной стены лежит женщина, над ней стоит девочка – маленькая – держит над трупом матери зонтик. Держит и улыбается. А ветер – как сейчас – рвет этот зонтик у нее из рук...

Справа что-то забибикало, это трактор со скребком. Мы – люди, толпа – мешаем ему сгребать снег. «Где же Царская башня?» – спрашиваю у охранника. Оказывается, это здание Казанского вокзала, первый подъезд. На входе обычная проверка: рюкзак, пожалуйста, на движущую ленту, его про-

светят (вдруг бомбу везу), плюс по тебе еще проведут какой плоской штукой – тоже что-то ищут. Ладно, чего я взъелся – обычные меры безопасности. Вокруг снуют пассажиры с сумками, чемоданами, баулами. По громкой связи объявляют время отправления поезда. Как в этом вокзальном хаосе найти выставку? Спрашиваю у полицейского. Представляете, он не удивляется и даже в курсе. Идите, говорит, прямо в конец здания, там будет зал ожидания, справа увидите дверь, в нее входите.

Перед походом на Казанский вокзал поделился сомнениями с коллегой – мол, такой классный художник, и в таком, мягко говоря, нереспектабельном месте, там и посетителей, наверное, никого не будет. Как же я ошибся! Да, пришлось пройти через весь вокзал, сквозь зал ожидания, сквозь сидящих и спящих на чемоданах людей. На ум почему-то пришли слова «сирота казанская». Почему? Трудно сказать. Но вот вожделенная дверь. Никаких зазывающих баннеров и объявлений. Такая себе партизанщина. Захожу – и обалдеваю. Прямо на меня из картины «Фотография на память» смотрит император-мученик Николай. Слева женщина – продает входные билеты. Стоимость 50 рублей! Справа и слева довольно просторные залы и много посетителей. Как потом расскажет сестра жены художника, выставка идет с 4 октября, за это время ее посетило более 3,5 тысяч человек.

Спрашиваю, можно ли фотографировать. Отвечают: конечно. Просмотр выставки начал с гардероба (он там, за сте-

ночкой – махнула рукой улыбочивая билетерша). Из гардеробщиков – Константин Великий, который на картине. Император как бы пообещал, что после сражения у Мильвийского моста он целиком и полностью посвятит себя наблюдению за сохранностью верхней одежды. Выхожу в зал, похоже, что на фоне произведений, посвященных Александру Невскому, запланировано какое-то выступление. Так и есть, говорят, что вот-вот начнется спектакль. Уже стоят стулья, организуется свет и звуковая аппаратура, под ногами провода (смотрите, не зацепите). Рядом с картиной «Невская битва», на которой князь Александр отирает свой окровавленный меч посланием шведского властителя Биргера, стремянка, тут же какие-то поэтически-возвышенного вида молодые люди обсуждают какую-то пьесу. Картины вот-вот должны завесить марлевой тканью. Видимо, они будут мешать предстоящему спектаклю. Поэтому я тороплюсь и стараюсь, пока их не завесили, впитать в себя аромат, краски, персонажей – среди них татарский князь Сартак и наш Александр Невский. Они сидят в степи, Сартак опирается на меч, Александр приобнял татарина за плечи, перед ними толстая книга (по всей видимости, Библия) и свеча, задуваемая ветром. В этом же зале две картины с киевским князем Святославом. В нем явно читаются черты украинского казака – с оселедцем и обвислыми усами. И удивительная по эмоциональному напряжению и трагизму работа – «Калка». Связанный киевский князь Мстислав, надменный и довольный Субэд-

эЙ, пирамида из трупов русских воинов. Говорят, «Калка» была дипломной работой Павла Рыженко. То есть основную тему своего творчества он определил еще тогда, в 1996 году. Определил тему – звучит как-то сухо, по-канцелярски. Чувствуется, что художник не просто пропускает сюжет через сердце, он живет в нем, окунается в ту эпоху, реально кажется, что у Рыженко где-то внутри запрятана машина времени, с помощью которой он путешествует по времени. Путешествует – не то слово. Путешественник видит все поверхностно, неглубоко. А здесь ощущение – будто он сам родом оттуда, что это у него в крови, на клеточном уровне. Какие руки у Сергия Радонежского (картина «Благословение Сергия») – крепкие кисти, тонкие пальцы, вздутые вены. Румянец на щеках князя Дмитрия, пока еще не ставшего Донским, и покорность судьбе, готовность к самопожертвованию.

У каждой картины подробное описание. Историческая, так сказать, справка. Впрочем, слово «справка» – тоже не совсем подходит. Разве можно называть так описание, которое начинается фразой «Удивительный сад был в Троицкой обители». Это о картине «Ослябя». Помните, героя Куликовской битвы Родиона Ослябя, одного двух из монахов, которых о. Сергей дал в помощь московскому князю? И тут же рядом «Подвиг Пересвета». Репродукцию этой картины я видел много раз. Но только увидев ее вживую, до меня дошло, что Пересвет не скачет на коне на встречу с Челубе-

ем, а... возвращается после поединка. Он сидит прямо, глаза смотрят спокойно и сосредоточенно, из раны хлещет кровь – видимо, он только что сам вырвал из своей груди вражеское копьё, вон и правая рука в крови. И конь его – смертельно раненного Александра Пересвета – везет к своим... Здесь у этих двух произведений достаточно долго находилась одна семья – отец с детьми. «Ребята, это знаменитые картины, – говорит отец. – Станьте около них, я вас сфотографирую».

Удивительно, как художник чувствует свет. При этом, как сказала сестра жены Павла Рыженко, он поначалу не смог поступить в Суриковское училище, среди придилок – неумение работать со светом. То есть та самая фишечка, которая уже через несколько лет станет его визитной, что ли, карточкой. После армии Рыженко попал в академию Ильи Глазунова – первый выпуск. Рассказывают, что обязательным в академии было изучение Закона Божия.

«В живописи придерживаюсь стиля классического реализма, – писал Павел Викторович, – наиболее глубоко отражающего суть и сам дух исторических событий, интересующих меня как художника, посвятившего свое творчество истории России».

Нужно бы еще рассказать о циклах произведений, связанных с Первой мировой войной, революцией, императором Николаем. Страшная картина «Стоход» о «прорыве в Бесмертие» гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, которых изменническое командование бросило на ко-

лючую проволоку под германские пулеметы у реки Стоход. Эмоциональный триптих «Реквием», картина «Ипатьевский дом» – на переднем плане свеча, которая только что погасла, и от нее поднимается легкий дымок, а на заднем плане раскачивающийся на стуле боец Красной Армии. А вот моя любимая – «Валаам». Здесь просто суровый пейзаж – серая скала, свинцовое небо, река, стволы берез за рекой и крест на скале, а перед ним – костер.

На выставке я узнал, что наследие Павла Рыженко составляет более 200 полотен, семь из которых крупные, практически для каждого произведения художник сделал копию. Последние семь лет жизни Павел Викторович работал на износ, будто чувствовал, что времени у него остается мало.

Подробные, обстоятельные и эмоциональные описания к каждой из картин были написаны сыном художника Тихоном – историком по образованию. Говорят, удивительно ярко рассказывает о картинах своего мужа вдова художника – Анастасия. К сожалению, вчера ее не было в зале.

Не выставлялась на этот раз и картина «Зонтик», о которой я упоминал в начале.

«Я своим творчеством пытаюсь подтолкнуть людей к осмыслению, каждый должен сделать выбор сам, куда ему идти, в каком направлении», – говорил художник.

У входа на столе две толстые книги отзывов, практически полностью уже исписаны. Вот последняя запись: «Это первая и единственная выставка, которая потрясла меня на-

столько сильно. Стоя у картины „В госпитале“ не смогла сдержать слез. Неизгладимое впечатление».

После выставки шел потрясенный. На улице всю уже разгулялась метель – точно такая же, как на картине «Прощание с конвоем».

Ноябрь 2016

«Серенькая лошадка» Оли Кузнецовой

Все-таки удалось исполнить свою мечту – побывать на концерте Ольги Кузнецовой. Мероприятие проводилось в клубе «Швайн» на Бауманской. С Леной Сафроновой мы пришли туда одними из первых. И очень даже кстати, потому что удачно заняли столик – недалеко от сцены. По дороге вспоминали о том, как лет 15 назад дружная компания из Москвы в составе двух Андреев – Новикова и Коровина, а также Оли Кузнецовой и Наташи Осташевой, ну, и вашего покорного слуги нагрязнули в Рязань к Лене, чтобы, переночевав у нее, рвануть в Константиново на день рождения Есенина... Незабываемая была поездка.

Вспомнились также приезды Саши Кабанова из Киева, ночные прогулки по Москве, посиделки в тесном кругу с гитарой. Говорили о стихах, о творчестве, о литературном процессе. Звучали песни. Уже тогда песни Оли Кузнецовой казались настоящим откровением. Особенно «Серенькая лошадка», ставшая своеобразным гимном сначала нашей разношерстной тусовки, потом литературного объединения «Рука Москвы» («рукомосов»).

Но это было в прошлом. Каково оно будет сейчас? Жизнь-то прошла по каждому из нас бульдозером.

Сразу скажу, ничего не стерлось, ничего не забылось, впе-

чатления – как 15 лет назад – светлые, чистые, незабываемые.

Нам повезло, мы попали на распевку – когда готовились микрофоны, настраивалась гитара, пробовался голос. В качестве тренинга Ольга выдала для начала «Вихри враждебные веют над нами», потом «Алёшу» (любимая песня моего детства, помните? – «Белеет ли в поле пороша»), потом проверила высокие ноты песней Высоцкого «Марьюшка» («Как забрали милого в рекруты») и, наконец, зазвучала «Серенькая лошадка». И тут – о, чудо! – в зал входят Юра Ракита (один из идеологов «рукомосов») и его супруга Алла.

Тут нужно сказать, что мероприятие в «Швайне» называлось «Деньрожденный концерт», то есть Ольга Кузнецова таким образом отметила свой личный праздник – день рождения. И торжество получилось. В зале почти не было свободных мест. Оля как всегда неотразима и удивительна, от нее веет нежностью и тихой радостью. Ее песни поражают – цельностью, музыкальностью, гармонией и поэзией. Как жаль, что такое творчество какая-то нехорошая сила выпихивает на периферию, лишает зрителя. Думается, это могло бы задавать тон в современной песенной культуре, было бы востребовано и популярно. Но... увы. Пока это только небольшой подвальчик «Швайн» и кучка (пусть даже и «могучая») друзей и поклонников. Поразили гости, принявшие участие в концерте. Классический, несколько даже старомодный, но обаятельный Владимир Бережков, энергичный

блюз (как будто едешь в поезде и слушаешь перестук колес) от Евгении Браганцевой – Женя исполнила пару песен из 10-го альбома. Представляете, человек выпустил 10 альбомов. Сочинил, исполнил, записал... на собственные деньги. «Вы, наверное, и первого моего альбома не слышали», – грустно констатировала Женя. Не слышали, а зря.

Поразил Всеволод Арцинович. Цыганщина, романщина – думаю, это не совсем верные эпитеты. Это, прежде всего, артист. Две песни в его исполнении по-настоящему завели. А романс подхватил уже весь зал. «Сколько страсти, сколько муки, ты, любовь, несешь с собой...» Bravo!

Своеобразным сюрпризом для зрителей стало выступление Владимира Полякова. Его «Воздушный замок» тронул. «Я хотел почистить атмосферу, чтобы человекам полегче дышалось», «а недавно мне приснился ангел...». Это было круто.

Первое отделение заканчивала сама именинница. «Белая песня Коктебеля» – просто растрепала мою издерганную за неделю душу. «Белая музыка кружится, кружится...» Я постараюсь найти сейчас эту песню. Это нужно слушать. Желательно, конечно, вживую.

«Серенькую лошадку» Оля не планировала исполнять на концерте. Но ее таки уговорили. Пели все.

Серенькая лошадка

Скачет по красному кругу,

*В зелени летнего парка
Долго подковы звенят.
Странная детства загадка —
Не было преданней друга,
Чем серенькая лошадка
Маленькая.*

Так хотелось остаться на второе отделение, но нужно было спешить на электричку. Самое смешное, что я таки на нее опоздал. Пришлось ждать следующую. И мы еще полтора часа бродили с моим другом Сергеем по Комсомольской площади и напевали Олины песни.

Декабрь 2016

«Талантливость читателя – это его чуткость» (О вечере памяти Евгения Винокурова)

Вечер памяти Винокурова. Пятница. Закончилась рабочая неделя. Рад бы сказать «мяу», а не получается. Но моих друзей, которые организовывали этот вечер, подводить не хочется. Еще подумалось, если Ира и Ваня не напомним, поеду домой. Напомнили... Пришел в ЦДЛ за два часа до начала (у нас-то короткий день на работе). Пытался купить пирожок на Баррикадной – но Собянин снес все ларьки. Ладно, потерпим без пирожка. В ЦДЛ расположился у гардеробной, читал книжку Алексея Иванова «Географ глобус пропил». Увлёкся.

«А вы, оказывается, Виктор Сергеевич, талант, – уважительно сообщил Чебыкин.

– Бог с тобой, – отрекся Служкин. – В этом стихе нет ничего особенного. Хороший посредственный стих. Я люблю его, потому что он простой и искренний. А хорошие стихи может писать любой человек, знающий русский язык. Нет, отцы, я не талант. Просто я – творческая личность...».

На этом месте я поднял голову и увидел Иру. Пойду, думаю, поухаживаю, помогу ей пальто в гардероб сдать. Не по-

лучилось. Ира не стала сдавать пальто. Зато попросила меня отнести в малый зал внушительную сумку. Как потом оказалось, ребята привезли уникальные штуки – настоящий проигрыватель и пластинки фирмы «Мелодия» (помните такую?), на которых Евгений Михайлович Винокуров читал стихи, и еще его книги, по большому счету, их сегодня днем с огнем не найдешь. В зале встретил Леонида Володарского – поэт, переводчик – когда-то в далекие, можно сказать, мифические времена он руководил литературной студией при МГРИ (Московский геологоразведочный институт), куда меня затащил Иван Белокрылов. Леонид отлично разбирается в поэзии, я ценю его, прежде всего, как своего учителя и наставника. Помню, тогда в 1989 году Леонид подарил мне свою книгу (кассетник на четырех авторов) и сделал проникновенную надпись, где говорилось о том, что в поэзии важно иметь стержень характера. С этим наставлением я жил долгие годы. Оно меня грело. Хотя характера, особенно того, что касается поэзии, я так и не приобрел. На вечере Леонид Володарский подписал мне новую свою книгу «Купальня света». Подписал просто: «С радостью!».

И, знаете, он оказался прав, «Винокуровские чтения» оказались проникнуты светлой радостью. Вначале опробовали проигрыватель, голос Евгения Михайловича на пластике звучал живо, энергично, без нарочитой выразительности. Потом в записи пел Марк Бернес знаменитых «Москвичей» («Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой»,

«Свет лампы воспаленной пылает над Москвой») и братья Мищуки – «Сонату» («Каплет с крыши дровяного сада. Развезло. Гуляет черный грач»). Видеоряд старых фотографий.

Тронуло выступление молодых ребят Александра Гаськова и Александры Серебренцевой, они читали стихи Винокурова наизусть. Еще подумалось: ну надо же, в наше время! молодежь! Винокурова! наизусть! так что если кто-то думает, что советские поэты – деланные величины, глубоко заблуждается. В сущности, об этом шла речь и дальше. Леонид Володарский рассказал о том, что Евгений Михайлович писал в благодатное для поэзии время, что Винокуров давал ему рекомендацию в Союз писателей, что за первую книжку стихов, вышедшую в 1991 году, Леонид Володарский получил гонорар – 4200 рублей (бешеные деньги по тем временам! У меня отец работал на шахте электриком, получал 180 рублей в месяц), что у Винокурова к тому времени вышло больше 50 книг и он в какой-то мере стыдился такого количества, точнее, чувствовал, что эти времена могут закончиться. Леонид прочел стихи, посвященные Евгению Ивановичу, которые он написал накануне вечера. Там были такие строчки: «Ну а он, открывая ночами тетрадки, / Все шептал над тетрадными листами: / – Вы простите, стихи, что кормился я вами». Выступавшие рассказывали о том, что Винокуров старался помогать своим ученикам. Так, Ира Ковалева вспомнила, что Евгений Михайлович на ее стихах, которые она подавала в литинститут, написал: «Считаю, что ли-

тинститут больше нуждается в Ирине Ковалевой, чем Ирина Ковалева в литинституте». При этом поэт как бы дистанцировался от людей, не всех к себе подпускал. Впечатлил рассказ Нины Габриэлян. «В его поэзии за бытом сквозило бытие, в его стихах всегда брезжило сияние других миров, при этом он побаивался влезать в тонкие сферы», – говорила ученица Винокурова. Нина вспоминала, насколько он был чувствительным человеком, при этом постоянно в шутку всем твердил о том, что «нужно наращивать толстокожесть». Евгений Михайлович болел, давало о себе знать фронтное ранение, беспокоил сахарный диабет. Запомнился рассказ о том, как он угощал Нину в ЦДЛ-ском буфете. «Даме – коньяку и шашлыка, мне – стакан воды и спаржу». Винокурову нужно было держать строжайшую диету. Тем не менее он не смог сдерживаться и «помогал» ученице разделаться с шашлыком, после чего довольно изрекал: «Хорошая вещь – спаржа». Отмечалось, что поэт был крещеным, он искал Бога, причем не только «в метафизической пустоте», но и в больнице, на рынке... В своем эмоциональном выступлении Сергей Мнацаканян не удержался от сравнений «того и этого» времени. «Советская цензура была весьма деликатна, – сказал Сергей Мигранович. – Сейчас цензуры нет, есть книжный бизнес, страшнее которого ничего для писателя нет. За книги авторам не платят, их книги на прилавки не выставляют. И это продолжается уже десятилетиями. Я за свободу слова, но в искусстве необходима иерар-

хия». Мнацаканын заметил, что у Евгения Михайловича было удивительное качество – помогательство. «Он был добрым, внимательным, отзывчивым человеком и большим поэтом». Удивительную подборку афоризмов от Винокурова подготовила Надежда Осьминина, которая на прошлых Винокуровских чтениях выступала с докладом «Христианские мотивы в поэзии Винокурова». Вот некоторые из этих афоризмов (что успел записать):

«Талантливость читателя – это чуткость».

«Если стихотворение написано кровью, оно будет жить долго».

«Поэзия добывается трудно».

«Цель поэзии – истина».

«Большие поэты – поэты внутреннего сгорания».

«Поэзия – это радость».

Октябрь 2016

Между реализмом и фантастикой

На выставку фоторабот (хотя, какое фото? это настоящие картины!) Игоря Капустина, моего земляка, я собирался давно. Выставка открылась 1 февраля, презентация прошла 4-го. Собирался там быть, но не получилось – был приболевши. И вот, слава богу, нашлось время. Пробыл в интернете всю необходимую информацию – адрес, время работы, опознавательные знаки и маршрут – и выдвинулся.

Нужно было найти дизайн-завод «Флакон», который находится на пространстве Market, и еще елочку из букв (прикольнo выглядела на картинке) у входа на выставку.

Метро «Дмитровское», выход к Дмитровскому шоссе... – в общем, я заблудился. Но, как известно, язык до Киева, в конце концов, доведет. Дедуганчик, у которого я спросил про Flascon, достал навороченный смартфон: давай, говорит, адрес. Оказалось, что все находится рядышком.

Но самое сложное началось потом – нужно было найти елочку, а она не находилась. Короче, в здание, у которого сто-питсот входов, зашел наобум. Кругом одни магазины, то есть торговые точки. Поднялся на второй этаж и – вот же они – фотокартины! Нужное отступление. Игорь Капустин стал победителем интернет-конкурса «Новогодний нон-стоп», который проводился социальной сетью путешественников Enjourney. Победителю, согласно условиям кон-

курса, в качестве приза было предложено подготовить персональную выставку фотографий.

Представлено 27 работ. Небольшая часть расположена на стене, основная экспозиция – подвешена на ниточках-веревочках. И это смотрится прикольно. К сожалению, освещение на выставочном пространстве было не очень, фотографии, которые находятся под плексигласовыми рамочками, бликовали, приходилось щуриться, отходить назад, а с моей близорукостью – еще и назад отойти – так вообще ничего не видно. К тому же формат фотографий – небольшой. Поймал себя на мысли, что такие работы, конечно же, лучше смотреть на компе. А посмотреть было что.

Понравилась чудесная чайка Джонатан, парящая над планетой. Автор прекрасно передал ощущение свободы и полета. Кстати, летящие чайки были еще на нескольких фотографиях, но только Джонатан – крупным планом.

Обратил внимание, что большинство снимков Игорь сделал не в идеальную погоду – ему обязательно чтобы на небе были тучки, чтобы было немножко пасмурно и даже серо. И в этой серости фотограф находит выпуклые яркие образы. Таковы скульптурные фигуры на здании (Париж?), а какое узловатое дерево (только что прошел дождь, лужицы, небольшие здания европейского городка, припаркованные автомобили). Удивительные осенние краски Актковского каньона (Украина) – тут поражает не то, что автор нашел это место, а как он сумел увидеть его красоту.

«Завтра будет ветрено» – поначалу прочел не «ветрено», а «вечно». Красное тревожное небо и падающее за горизонт огромное солнце – ощущение такое, будто сам проваливаешься в вечность (при этом вокруг магазины, продавцы-покупатели, кто-то выходит поболтать или обсудить предстоящую торговую сделку).

Автор не циклится на пейзажах. Обратите внимание на работу «Прыжок» – сколько динамики, драйва, экстрима!

А вот вечерний снимок – крымский – рыбак на фоне скал, забросил удочку в серебро. Или «Старая Руса» – еще до Нового года далеко, поскольку вода в речушке не замерзла, но уже снег. Половинка луны в небе, справа от нее – звезда, слева – фонарь. Сказка, да и только!

Еще работа «После грозы. Лазоревская». Молния и радуга как борьба добра и зла. Человеков нет, точнее, есть один – он снимает. Еще есть море, морская пена на берегу.

Игорь Капустин много внимания уделяет эксперименту, он разнообразен, кажется, что в своем творчестве он балансирует между традицией и авангардом, между реализмом и фантастикой. Хочется пожелать ему дальнейших успехов, новых побед и новых выставок.

Февраль 2017

10 лет без Валеры

Вечер в Булгаковском, посвященный памяти Валерия Прокошина. Валерия Ивановича. Валеры...

Начало, как всегда – для спартанцев, причем не жаворонков, а сов. В общем, в 20 часов. Нормально. Глаза закрываются. Показалось, что болит горло. С чего бы это ему болеть? Заказал чай – «Эрл Грей» с бергамотом. Почему-то подумалось, Валера сказал бы с бегемотом... Вспомнилось, как мы с ним сидели на Гоголевском бульваре с баночным пивом. О чем говорили? Наверное, о «Родомысле». Валера тогда увлекся идеей журнала. Столько народу интересного подтащил. Накануне вечера перелистывал – блин, неужели мы это когда-то делали? Аж не верится.

Но о чае. «Эрл Грей» ни фига не бодрит и горчит. Подошла Наташа Никулина. Вот это да! Наташа приехала из Обнинска и все переживала, успеет ли на электричку, а ведь ей предстояло рассказать о Прокошинском фестивале, организованном в Калужской области, показать книгу, которую его друзья-земляки издали специально к юбилею поэта. Все Наташа успела – молодец. И даже мне книжицу вручила. Мне очень приятно. Правда.

Андрей Коровин. Андрюша. Почему, когда его вижу, мне хочется его обнять? Как он чувствует стихи, как он способен восхищаться человеком, и сколько он делает, чтобы по-

мочь, продвинуть. Фестиваль в Калужской области, Прокошинская премия, о которой Андрей неустанно ратует, публикации Валеры, мероприятия его памяти – это все на его плечах, через его душу.

«Горько», – сказал Андрей. И я вздрогнул, он ведь чай мой не пил. «Горько, что мало людей пришло». А мне подумалось, что нормально. Сидим-то хорошо. Душевно сидим.

Андрей говорил долго, казалось, о Валере он думает постоянно. «Он сделал в поэзии нечто невозможное». «Прокошин был хорошим провинциальным поэтом, но с приходом интернета он прыгнул выше головы – стал настоящим явлением в русской литературе». Сравнивал стихи Прокошина и Александра Кабанова...

Почему-то осталась в памяти фраза Натальи Никулиной: «Валерий Прокошин создавал Вселенную, каждый микрон которой был духовен. А это далеко не всем нравилось. Некоторых это останавливало. Они даже не пытались понять его поэзию. К сожалению, сейчас, через 10 лет после смерти Валеры, ситуация мало в чем изменилась».

Елена Исаева в своем выступлении вспомнила 80-е годы, когда она познакомилась с Прокошиным на литературной студии при институте имени Баумана. «Его привела к нам Света Ильюшина. Он еще не выступал, а уже чувствовалось, что рядом с нами находится что-то настоящее. В его стихах чувствовалась жизнь. Не столичная».

Издатель Александр Переверзин предложил скинуться

на мемориальную доску. «Прокошин – один из самых ярких сетевых поэтов, то есть стал известен, узнаваем, благодаря появлению интернета и соцсетей». Саша также упомянул «тонкое и грустное чувство юмора у Валеры», рассказывал о том, что издательство «Воймега» планирует издание избранных произведений Валерия Прокошина.

Максим Гликин не был знаком с поэтом, но он несколько лет назад помогал организовывать мероприятия, связанные с Прокошинской премией. «Прокошин до сих пор у меня на рабочем столе в компьютере».

Каждый из выступавших читал по два стихотворения – эмоциональная и артистичная Женя Баранова, «архивариус» Дмитрий Гасин, поэт и фотограф Катя Богданова, сдержанная Регина Поливан.

Я фотографировал всех потихоньку. Смотри, Валера, какие красивые ребята! И все читают твои стихи.

Февраль 2019

Шекспировские чтения

В пятницу мне подарили блокнот. Лучше, конечно, если б это был ежедневник в кожаном переплете. Тем не менее сам посыл заслуживает похвалы и закрепления традиции. Представляете, каждую пятницу – ежедневник, или, в крайнем случае, – блокнот. Пусть даже карманный. Вот такая мелочная, можно сказать, крохоборская у меня позиция. Такая, впрочем, как у Шекспира. Да-да, у Шекспира. Тут, собственно, я и перехожу к сути. У Шекспира, оказывается, был вредный характер, и тот человек, которого нам до сих пор преподносят в школе как гения английской и мировой литературы, на самом деле не тот, за кого мы его принимаем – ростовщик и откупщик, которому ничего не стоило засадить соседа в долговую яму за небольшую задолженность...

Речь об этих несоответствиях шла на Шекспировских чтениях в Центральном доме литераторов. Организаторами чтений в рамках проекта «Перекрестки миров» были Ирина Ковалёва и Иван Белокрылов (он-то мне и подарил блокнотик, за что ему большущее мерси!).

Еще один момент: накануне вечера мы с дочерью метнулись в район станции «Академическая», чтобы провести разведку в одном из хостелов по просьбе наших друзей из Германии, а точнее, из Украины, а еще точнее, из Белгорода, то есть из Харькова. Ну, в общем, вы поняли – для земля-

ков. Хостел особого впечатления не произвел, разве что обращали на себя внимание тапочки на входе и пепельница и еще безобразный запах – будто тараканов недавно потравили. Пытаюсь эти впечатления совместить с Шекспиром – и ничего, кроме долговой ямы, на ум не приходит.

Как бы то ни было, в ЦДЛ мы заявили вместе с дочерью и сразу из гастарбайтеровского быта, увиденного краем глаза в хостеле, окунулись в величайшую литературную загадку, которую пытались разгадать присутствующие Третьих Шекспировских чтений. Поэт-эзотерик Леонид Володарский прочел стихотворение «За тайной Шекспира есть большая тайна...», написанное им буквально накануне вечера, где он предположил, что автором «Гамлета», «Ромео и Джульетты», «Двенадцатой ночи» и других пьес является не кто иной, как Сен-Жермен – личность легендарная, мистическая. Оказывается, именно он открыл рецепт эликсира бессмертия, выпил его и воплотился в Бэкона, который и стал одним из авторов литературного проекта под названием Шекспир. Сен Жермен – вовсе не проходимец, как об этом говорит «Википедия», а восточный адепт, мудрец, отвечающий за Европу на собрании великих магов-эзотериков на Шамбале. Таким вот феерическим выдалось начало. Подобные вещи я слышал и читал не раз, да и, честно говоря, давно уже переболел этим вот эзотеризмом. Но мельком глянув на дочь, понял, что она обалдела, – сидела, широко раскрыв глаза, покачивая головой.

Ведущая Ирина Ковалёва рассказала о книге выдающегося шекспироведа Марины Дмитриевны Литвиновой «Оправдание Шекспира», в которой автор раскрывает секрет литературного проекта. По ее мнению, настоящим Шекспиром является не «стратфордианец», похороненный в Стратфорд-на-Эйвоне, а сразу двое – философ и политический деятель Френсис Бэкон и его ученик, талантливый поэт Роджер Мэннерс, пятый граф Ратленд.

Поэт Надежда Осьминина представила кадры из уникального документального фильма о Британии, снятого в 1957 году режиссером-документалистом Владимиром Спиридоновичем Осьмининым. На экране популярная английская актриса тех лет Пегги Эшфорд и Самуил Маршак читали 90-й сонет. Это было завораживающе. Причем русское прочтение Маршаком звучало гармоничнее и ярче первоисточника. Помните, «уж если ты разлюбишь, так теперь...»? Впрочем, мне ли судить об этом?

Поразила Ирина Ченцова – член российского союза переводчиков. Она достаточно тесно связана с театром «На Юго-Западе», была знакома с легендарным режиссером Валерием Беляковичем, который, по ее мнению, был на ты с Шекспиром. Ирина прочла пьесу для моноспектакля, посвященного настоящим авторам великого наследия. Получилась удивительная история любви, построенная на новых переводах сонетов. Причем Ченцова уверена, что это подлинная история. И уверенность эта передалась слушателям. Большая по-

эзия чередовалась с рассказом о нравах той поры, об истории Великобритании. Для всех посвященных, то есть для элиты, было понятно, кто настоящий Шекспир, а простолюдинам это было не нужно. После смерти королевы Елизаветы на престол взошел сын Марии Стюарт – Иаков, потом вихрем по стране пронеслась революция. События, после которых не то что о театре и литературе забудешь, а не вспомнишь, как отца с матерью звали.

А Шакспера – который был ростовщиком, и фамилия которого практически совпадала с названием тайного талисмана Бэкона, то есть «потрясающий копьём» – попросту наняли за деньги, чтобы он передавал новые пьесы в лондонский театр «Глобус». А потом – ради прикола – взяли его в долю, придумали ему биографию и даже после смерти похоронили, устроили пышный склеп в Страдфорде-на-Эйвоне, куда теперь валом валят на поклонение почитатели таланта великого английского гения.

А каково переводчику, который, по большому счету, должен чувствовать автора, знать его? Новые переводы сонетов в собственном сочинении рискнул представить Владимир Пресняков. На слух прозвучало – очень даже профессионально. Но при этом подумалось: а что же теперь делать с переводами того же Маршака, Пастернака, Лозинского? Они, получается, не совсем чувствовали автора? С такими сомнениями поделился на вечере и я, представляясь не совсем посвященным, а скорее, простолюдином. При этом я

зачитал давно написанную статью-впечатление о книге Марины Литвиновой «Оправдание Шекспира». Честно говоря, я этого не хотел, но мое выступление прозвучало небольшим диссонансом на Шеспировских чтениях.

Приведу небольшую цитату из этой статьи: «...куда ни ткни – везде попадешь на свидетельства, указывающие на соавторство гениального поэта Ратленда и гениального мыслителя Бэкона; только до всего нужно докапываться, потому что прошлое сокрыто от нас за семью печатями, за символами и криптограммами... И здесь не обойтись без интуиции и озарений, фантастических находок и рассуждений.

И все это имеет место быть в книге-монографии «Оправдание Шекспира»! Но... изложено все как-то путано, нет того, что называется, разложили по полочкам. Ощущение такое, что все свалено в одну кучу. Материал серьезный, заявления на уровне сенсации в мировой литературе. Но нет, извините за боксерский термин, акцентированного удара. Я так и не смог понять, как непосредственно осуществлялось соавторство, в каких формах и было ли оно вообще?»

На мое выступление среагировала Ирина Ченцова. Будучи ученицей и сподвижницей Литвиновой, она тем не менее согласилась, что книга «Оправдание Шекспира», действительно, несколько путанная и спонтанная. «И Марина Дмитриевна об этом знает. На самом деле, „Оправдание Шекспира“ сдавалось в печать в „Вагриус“ в тот момент, когда он закрывался и у книги не было редактора». То есть как

следует публикацию подготовить не удалось. Но есть надежда на издание новой книги, где все будет четко обосновано и разложено по полочкам.

На Третьих Шекспировских чтениях также выступил Дмитрий Курилов, который прочел веселые стихи на тему известных литературных трагедий, но с положительной концовкой.

Стихотворения, посвященные Шекспиру, представили Ирина Ковалева (у нее получился настоящий поэтический пересказ всей ситуации, связанной с литературным проектом), Надежда Осьминина и Любовь Берзина.

В заключение вечера буквально вал аплодисментов сорвали музыканты – певица Екатерина Гайданская и концертмейстер Элеонора Теплухина. Оперное пение – это, должен вам признаться, великая сила! Еще раз крикну музыкантам: «Браво!»

Март 2017

Оркестр мечты

Ой, держите меня сейчас, люди! Буду рассказывать, как я вчера укреплял семейные скрепы. Дело это совершенно непредсказуемое, потому что как ни планируй, все равно что-то да пойдет не так. Но не о том речь. В общем, вчера был семейный (и торжественный!) выезд в Москву с обязательным посещением театра. Ну, о том, как мы долго наряжались, наглаживались, рассказывать не стоит. Хотя мой костюм, застегнутая на все пуговички (особенно та, что на шее) светлая рубашка и бордовый галстук в упоминании все же нуждаются. Это был второй выгул костюма в свет. Но, повторюсь, речь не об этом. А о заключительной части мероприятия, то есть о самом походе в театр. Нужно сказать, предыдущие два похода – в «Сатирикон» (спектакль «Кухня») и «Маяковку» («Любовь глазами сыщика») – меня совершенно не впечатлили, и я себе дал слово, что если не впечатлит и третий, то тему лицедейства я для себя закрою навсегда. То есть театр как искусство признавать вообще не буду. Вот так вот.

Но после вчерашнего я все же вынужден заявить во всеуслышание: «Ребята, ТЕАТР ЖИВ!» И спасибо за это открытие Олегу Меньшикову, театру Ермоловой и, конечно же, блистательному спектаклю «Оркестр мечты. Медь». Дорогие мои, если вы доселе не видели этого представления, то, по-

жалуйста, и не ходите. Потому что я еще собираюсь раза четыре его посмотреть, а билеты туда не всегда бывают. В общем, в Ермоловой был аншлаг.

Только мы вошли в театр, как мне сразу и все стало нравиться: и вежливые администраторши, и любовно, празднично и стильно оформленное фойе, и воздушные шарик, и бодрый звонок (не тот чахлый, что в «Маяковке»), зазывающий в зал, и удобные кресла, и даже оригинальное веселое предложение отключить телефоны. Единственное, что смущало – я сам. В костюме с галстуком я был настоящей белой вороной. Все же времена изменились, и народ ходит в театр в чем ни попадя, показалось, что все чуть ли не на шашлыки собрались. Но это, в общем, не важно. Более того, официоз на таком представлении совершенно был бы неуместен.

Но вот начался спектакль. Олег Меньшиков – в костюме, без галстука – говорит то, о чем мы все знаем, говорит просто и быстро, иногда кажется, что торопливо, говорит о мечте. Я сначала сопротивлялся – что за мечта? ерунда какая-то! на фига все это? – у кого-то сбывается, а кому-то не до мечт, и он закапывает их в глубину себя. Так я думал, пока не открылся занавес и на сцене не появился оркестр. Ребята, это действительно Оркестр Мечты. И медь его действительно отливает и сверкает. Ребята, это бомба!

В спектакле задействовано 30 человек. При этом все оркестранты смотрятся как единый организм, как личность, как отдельный актер. Солирует вроде бы Олег Иванович – он

и проникновенно рассказывает, и поет, и танцует, и стихи, и пластика, и душевные откровения, и сентиментальность, и романтизм. И оркестр, по идее (ну, как это обычно делается), должен как бы выделять солиста, быть у него, что называется, в услужении, в подпевках. Ан нет! Оказывается, что в этом спектакле солист работает на оркестр. Главное действующее лицо не заслуженный Олег Меншиков, а именно оркестр! Представляете, духовые! Бум-бум. Все вычищено, все сверкает. Боже, как там гениально били в литавры! – ощущение такое, что звук от литавр дробится, расходится и оседает волшебной пылью. А какие сумасшедшие барабанщики и их соло по табуреткам светящимися палочками в темноте! А флейтистка, а танцующий и становящийся на колени дирижер. Световые решения просто уникальны. А выход оркестрантов в зал под музыку Равеля, когда до музыканта можно было запросто дотронуться. А лихая чечетка. А светящаяся бабочка, точнее, шмель, нападающий по очереди то на одного, то на другого артиста.

Все два часа, что шел спектакль, я просидел с открытым ртом, обалдевший. Это такое гениальное баловство и прущее, заполняющее зал вдохновение. Обычно по окончании я из вежливости могу похлопать на том или ином представлении, а могу и вообще не хлопать. А тут – отбил все ладоши и даже слегка осип, кричамши «Браво!».

Май 2017

«Ломаю слов подмоченные спички...»

Оторваться от всех этих логических связочек, стенограмм, циферок по добыче и поставке и окунуться (ну не в бочку же с холодной водой!) в – блин, как оно называется? – в поток сознания. Сначала о шагах. За вчерашний день я прошел больше 20 тысяч. Не то чтобы рекорд, но вы вполне можете спросить: и куда же меня носило, что под конец дня у меня язык еле ворочался.

Дык, просто так – наматывал круги по центру Москвы, зашел, кстати, в «Депо», где закупились разными сырами – белпер, бурато и еще что-то, но уже не на «б». Нужно было еще взять постного масла (обязательно «Золотую семечку») и пивасика баночки четыре. Но, эту покупку я благоразумно отложил. По дороге вспомнил, как в студенческие годы мы с Давидом зашли в «Диету», взяли там шикарный кочан капусты и с этим кочаном в руках поперли в кинотеатр. Фильм назывался «Письма мертвого человека» с потрясающим Роланом Быковым.

Вчера капусты со мной не было, пива тоже, зато в пакете с надписью «Black Friday» был сыр – хорошо хоть без плесени, а то от него бы разило несвежими носками. Но о запахах я еще расскажу. Ладно?

Всю дорогу во время ходьбы по пересеченной местности я

слушал всякие разные песенки. Из наушников звучали Земфира, Высоцкий, Гребенщиков, Трофим...

Слушая их песни, мне вдруг подумалось: насколько певучи стихи Германа Власова? В общем, вы, наверное, догадались, что пишу я отчет о вечере Геры, который прошел вчера в музее Марины Цветаевой. Итак, Земфира и негромкая задушевная поэзия Власова. Есть хоть какие-то соприкосновения? Нет! Абсолютно никаких. «Хочешь, я убью соседей?» Это, скажем так, не из Гериного репертуара. Высоцкий – «А день, какой был день тогда? Ах, да! Среда». Тоже ведь не оттуда. Хотя вчера действительно была среда. Трофим с его голубями. Помните: «Там, там высоко над землей летает стая. Если смотреть наверх, кружится голова»?.. Давайте сравним со строчкой: «Три разных птицы прилетели, пока вели мы разговор». Тоже не сочетается. Да и не поется.

А между тем я пересек Новый Арбат и заблудился в переулочках. Пришлось вынимать из ушей наушники и спрашивать дорогу. Вы спрашивали когда-нибудь, как пройти к тому или иному месту в Москве? Как правило, нарываешься на приезжих, которые ни фиги не знают. А тут, в двух шагах от Арбата, оказалось, что все в курсе, где находится музей Марины. В общем, сообщаю, пришел я вовремя, не опоздал.

Гера уже сидел перед ноутбуком за столом, как мне показалось, немного взволнованный и отстраненный. Как рассказала научный сотрудник музея Татьяна Ишумова, вечер Германа Власова проходит в рамках цикла мероприятий «По-

этическая среда». Начало этому циклу было положено еще в мае 2016 года. В месяц проводится 3—4 вечера...

Ну, а дальше Герман начал читать стихи. Практически без подготовки. Впрочем, нет, не так. Перед этим он как-то скомкано сообщил, о чем и так можно было догадаться, мол, родился в Москве, стихи старые и новые, собирался издать к вечеру книжку – не успел, затык вышел на уровне названия.

Публика, которая пришла послушать стихи Власова, ничем особенным не выделялась, хотя чувствовалось, что многие из слушателей – люди, пишущие и знающие Германа. И да, они все время подходили и подходили, уже к середине вечера оказалось, что стульев не хватает.

Ну что, пора уже подбросить Власовских строчек. Вы же знаете, я люблю на таких вечерах записывать, что услышал. За точность, как обычно, не ручаюсь, но ловите, что успел поймать: «Шары и линии, мелодия и звук», «У Сретенья всего одна швея», «Луна как неспящая рыба», «Я – души почтальон...».

Кстати, в конце вечера некоторые наперебой стали предлагать Герману название для его новой книги. И строчка про почтальона прозвучала в качестве одного из вариантов.

Слушать Геру непросто, мне кажется, он совершенно не заботится о слушателе – не выделяет, не делает акценты, в общем, не декламирует, а бубнит себе под нос. Торопится куда-то. А между тем слово в его стихах «станет длинным,

воздух – тонким» и «нежность острою волной». Поэт может прерваться на середине стихотворения, чтобы предложить стул вновь подошедшим.

Слушатели улыбаются, кто-то покачивается. Маленькая девочка, которая пришла на поэтический вечер с мамой, приставила ладошку к уху. «И люди столицы летят будто птицы», «Женщина с ребенком на руках – в облаках», «и Тютчевский слышится крик».

Вот Анатолий Степаненко – замечательный фотограф-подвижник. Кто-то сфотографировал его на телефон и тут же показал снимок мастеру. Толик улыбнулся, кивнул, тут же отвернулся к двери и стал снимать вывеску. А между тем поэт читает стихотворение «Танец», в котором такая строчка: «Я хочу порвать со старым». Дальше – больше – «слабое большое сердце спит на простыне страниц». Это о Достоевском. Причем так, что у меня кольнуло в груди.

Чем дальше слушаешь Герин голос, тем больше с ним свыкаешься, привыкаешь, что ли. Поэт «сам становится птицей, которую непросто спугнуть».

Повторы, рефрены в словах, мыслях, образах. Возврат к образу, раскручивание его. «И ласточку в полете описать» – звучит как поэтическое кредо.

Стихотворение со строчкой «и к вечеру запахнет ладаном свежестриженный газон» сорвало восторженные аплодисменты зала, который наверняка почувствовал этот запах. Мне вообще понравилось обилие обонятельных эффек-

тов в поэзии Власова: «с форточки на кухне пахло свеклой», «Москва до запаха подмышек», «женщины пахнут потекшею крышей».

Автор читает без пауз, его не остановить. Он еще не закончил чтение одного стихотворения, а глаза, мысли – уже в следующем. Чувствуется, что все свои строки поэт знает наизусть, но не показывает этого. Кажется, Герман Власов в поэзии может все – вот тебе эмоция, вот импрессия, вот округлость, вот нежность и жесткость. Но все это без крика, доверительно, почти шепотом, поэту кажется, что он говорит о тех вещах, о которых все знают, а он только что открыл. Он как бы извиняется за эти свои открытия. «Смотрит в упор, словно кто-нибудь умер» – это об Асе Каревой. Тонкое, светлое стихотворение звучит как «Реквием» Моцарта – спокойно, торжественно.

Стихи из Конаково, где дача поэта, в цикл не собраны, но ты понимаешь, что у Геры там особенное настроение. «Он дачник, потерявший инструмент...»

Эпиграфы из Гумилева, Бунина, «Ода секретеру», после-школьные воспоминания о том, как три друга с палаткой ездили на Истру и уронили конфетную обертку на мраморный пол на вокзале.

Сколько в нем жизни – простой, земной, незначительной и в то же время – значительной и непростой. «И я, привязанный к земле. Потрогать можно».

А вот и мой вариант для названия книги Германа Власо-

ва – «Ломаю слов подмоченные спички».

Что еще? Леденец в руках девчушки (реальной девочки, которая пришла на вечер), паркетный пол с затейливым узором, низкий потолок, картины на стенах. И, конечно же, присутствие Марины Ивановны. Или показалось?..

Август 2019

**«О чем поет ночная птица...»
(О концерте Константина
Никольского
в Сергиевом Посаде)**

В воскресенье целое утро крутилось в голове:

*Пошли страдания на голову мою,
Пошли сомнения душе моей правдивой,
Пошли мне веру. И я о ней спою.
И дай мне силы, чтобы стать счастливым.*

В принципе, понятно, почему крутилось – к нам в Посад приезжает Константин Никольский. И мы, благодаря дочери, раздобыли билеты на его концерт.

Честно говоря, я волновался. При этом не скажу, что Никольский такой уж кумир для меня. Но «мой друг – художник и поэт», «повесил свой сюртук», «забытую песню несет ветерок» – это же целая эпоха.

Вспомнился конец 1983 года. Мы с товарищем «лепим» наши дипломные работы – чертим, считаем (к примеру, я рассчитывал электроснабжение ножниц для прокатного станa). На носу ведь защита диплома в металлургическом техникуме. Все это время на магнитофоне крутится одна кассе-

та – с одной стороны итальянцы (Ricchi e Poveri), с другой – «Воскресенье». Я поначалу предпочитал итальянцев, как-то раздражало нытье «Я сам из тех, кто спрятался за дверь». Это уже потом я понял, почему раздражало. Потому что песня-то про меня. «Кто мог идти, но дальше не идет». Блин, звучало как приговор...

Сейчас, если дать мне в руки гитару, я, наверное, еще вспомню кучу песен того «Воскресенья».

«О чем поет ночная птица, одна в осенней тишине» – ох, как зажигали мы этой песней на практике в Кривом Рогу... Игорь Мигунов, Серега Сапин и я – помню, было что-то типа дискотеки в общежитии, мы тяпнули портвишка. На дискотеке объявили что-то типа конкурса, и вот мы запели «Ночную песню» и еще «До свиданья, милый друг» из репертуара группы «Фестиваль». Кстати, я только вчера узнал, что «милого друга» тоже написал Никольский.

В общем, что говорить – волновался. Ожидалась ведь (ни много ни мало) встреча с юностью. Какой она будет? Сможет ли тронуть меня уже постаревший (65 лет!) исполнитель, который к тому же должен был выступать один. Без ансамбля.

И знаете, разочарования не было! Константин Никольский отработал концерт на полной выкладке, он подтянут, молод и искренен. К тому же выступал он не один – а с дочерью Юлей. «Теперь ей не надо рассказывать, чем ее папа в течение 40 лет занимается...»

Зал Дома офицеров на Ферме (район Сергиева Посада) небольшой, но уютный. Пришли в основном люди моего возраста. Концерт начался песней «Мой друг художник и поэт». Зал сразу же оживился, встрепенулся, заплодировал. Акустическая гитара, плотный звук – кажется, что с тобой делится мыслями умудренный сединами философ, и в качестве бэк-вокалистки – очаровательная Юля.

Старые хиты идут попеременно с новыми, точнее, неизвестными. Вот цикл песен на стихи французского поэта Анри Ренье и португальца Фернандо Пессо. «Их почему-то отказываются крутить на радио, – с улыбкой рассказывает Константин, – говорят, не формат. Хотя, что они понимают в музыке». И тут же выдает сложную блюзовую импровизацию. Потом – другую. Так он показывает другую сторону своего таланта – не только как поэт, певец, но и как виртуоз-гитарист. Частые флажолеты, тонкие пальцы левой руки бегают по всему грифу, а правая рука задействует все до единой струны – кажется, что звучит целый оркестр. В последней трети концерта я не выдержал и набрал Сереге, с которым учился в техникуме. Серега, дорогой, слушай! И он, как и я, обалдевший, слушал и подпевал. А как же не подпеть, когда «повесил свою сюртук на спинку стула музыкант...».

Октябрь 2016

2020-й. Вечер памяти

Валерия Прокошина в Булгаковском

На вечере памяти Валеры Прокошина, который прошел 19 февраля в Булгаковском доме, его поэма «Выпускной – 77» была прочитана два раза. Да-да, эту непростую по эмоциональности и достаточно большую вещь, к тому же написанную не традиционно в рифму, а верлибром, сначала прочла Елена Моксякова, а затем Ольга Сульчинская.

Два совершенно разных прочтения, но каждое из них, как мне показалось, звучало убедительно, со своей искренностью и со своим посылом. И это было здорово.

Руководитель литературного салона Андрей Коровин каждый год проводит поэтическое мероприятие, стараясь приурочить его ко дню ухода Валеры из нашей земной жизни. И это в наше такое черствое и равнодушное к литературному творчеству время воспринимается на уровне чуда. Поэт ушел, а его поэзия остается.

Повторю еще раз – Валерий Прокошин, поэт из провинции, из Обнинска Калужской области, умер 11 лет назад, а стихи его продолжают звучать. Причем при жизни серьезных публикаций у Валеры было – раз, два и обчелся.

*Провинция – убогие места,
тысячелетья варварства и чуда.*

– кто здесь живет?

– наверное, Иуда?

сады, церквушка, кладбище, верста...

«Он из тех поэтов, кто сделал себя сам – для меня он стоит в одном ряду с Николаем Гумилевым», – эти слова Андрея Коровина прозвучали как откровение. Он написал их и в предисловии к книге избранных стихотворений «Тяжелей чернозема», которая была издана в конце прошлого года стараниями, прежде всего Андрея, – к 60-летию со дня рождения поэта Валерия Прокошина.

«Он был успешным учеником в своей собственной школе самообразования, – утверждает в предисловии Коровин. – Он пробовал себя в любых новых поэтических формах, о которых слышал. Венок сонетов? – пожалуйста! Хайку – легко! Танкетки – главное, вовремя остановиться! Сказки на современный лад? – не вопрос! Первая в русской литературе поэма об интернете? – это тоже он!»

Но вернусь к вечеру. Немножко о новостях, которыми поделился перед началом Андрей: в марте в Ермолино на доме, где долгое время Прокошин проживал вместе с мамой, будет установлена мемориальная доска. «Она уже готова, – сообщил Вячеслав Черников, художник, оформлявший все книги Валеры. – Планировали раньше сделать, но задержка получилась объективная. Нужно согласование, нужно было благоустроить территорию».

Слава также рассказал о детских рассказах и стихах Прокошина и презентовал небольшую яркую книгу «Во всем виновата Жучка» (веселый рассказ для ребят, которые любят котят), написанную его другом под псевдонимом Евгений Козинаки. «Детское творчество Валеры, на мой взгляд, не менее важно и не менее достойно внимания, чем то, что он делал во взрослой поэзии. К сожалению, эти произведения почти никто не знает», – сказал Вячеслав Черников.

Максим Крайнов, представлявший издательство ArsisBooks, в котором был издан сборник стихов «Тяжелей чернозема», отметил, что верстка, которую сделал Черников, соответствует «духу стихов Валерия» и что душа его сразу приняла и верстку, и стихи. А то, что поэт из провинции поднялся до всероссийского уровня – это вообще библейская история.

Ирина Терра, редактор литературно-художественного журнала «Этажи», рассказала, что в настоящее время готовится номер, который будет целиком посвящен Валерию Прокошину.

Ефим Бершин несколько удивился делению на столичную и провинциальную поэзию. Он назвал целый ряд значительных поэтов, проживающих и проживавших вдали от столиц. Чувствовалось, что книгу «Тяжелей чернозема» Ефим прочел несколько раз. «Прокошин – значительный поэт. Он показал – очень ярко – картинку уходящего советского времени и начала 90-х».

Елена Моксякова, представляя поэму «Выпускной – 77», восхитилась тем, как Валерий смог написать об умерших так, будто они живые. Мне показалось, что во время чтения поэмы – достаточно ровного и, на первый взгляд, бесстрастного – в самый эмоциональный момент в тексте о Ленке Сиваевой («та еще стерва»), где говорится о том, что «ее старшая дочь убила родную бабушку\знаменитую в СССР ткачиху\героя социалистического труда ангелину сиваеву\из-за денег, отложенных на похороны» – сама декламатор чуть остановилась, чтобы подавить в себе подступивший комок слез.

Максим Гликин рассказал о том, как организовывалась Прокошинская премия для поэтов, творящих вдали от столиц, и о дальнейших ее перспективах – надежда на то, что они будут реализованы, остается. «Эта премия сделала большое дело. Она связала между собой регионы, творческих людей, представлявших различные небольшие лито, поэтические кружки. И это было здорово, более 100 авторов прислали тогда свои подборки», – подчеркнул Максим.

Евгения Баранова поделилась своими впечатлениями о поэзии Валерия Прокошина, с которой она впервые познакомилась в Крыму, – причем это была лирическая песня на его стихи в исполнении рок-группы.

Лев Готгельф, организатор Цветаевского фестиваля в Александрове, отметил невероятную скромность поэта. «Его с большим трудом удалось убедить почитать что-ни-

будь. И в этом не было никакой позы, просто он очень требовательно относился к себе».

Геннадий Калашников поделился тем, что его каждый раз во время Прокошинских вечеров охватывает чувство «близости творческой и... неустрахи». «Мы ходили одними путями, у меня много знакомых в Калужской области – и, надо же так, – не встретились, – с некоторым огорчением, что ли, говорил Геннадий. – Но есть стихи, и все они мне нравятся. Я как бы слышу голос Прокошина – настоящий, подлинный, поэтический».

Ольга Сульчинская призналась, что не любит верлибры, но поэма «Выпускной – 77», написанная свободным стихом, была прочитана ею очень сильно и пронзительно.

Светлана Хромова поблагодарила Андрея за то, что находит силы и время проводить такие мероприятия, посвященные памяти Валерия Прокошина.

Анна Гедымин отметила влияние интернета на формирование поэта, на его судьбу. «Интернет – это дар Божий», – заявила Анна.

В который раз поразился тому, как проникновенно, с полным погружением, читает Нина Дунаева. В этот раз ей, да и слушателям тоже, пришлось непросто – стихи Валеры из цикла «Отречение», отобранные для выступления, звучали жестко и больно.

«Трижды, как Петр. Даже с пулею в сердце

*Я не сумею в России согреться.
И на прощанье шепну палачу:
– В этой стране... умирать... не хочу».*

Февраль 2020

Беседы о художественном переводе

Вы что-нибудь понимаете в переводах? Не денег со счета на счет – нет, а в нормальных художественных (не технических!) переводах? Я вот – вообще ни в зуб ногой. Как эта система работает и имеется ли, собственно, такая система? Оказывается, имеется.

Но не буду гнать лошадей, а начну, как обычно, издалека. Ну, допустим, с проспекта Мира. Ха, скажут мне мои коллеги, какое это далеко? От Белорусской до проспекта Мира рукой подать. Вот что вы знаете на этом самом проспекте, кроме спорткомплекса «Олимпийский», главной мечети страны и министерства энергетики? Оказывается, много еще прекрасных мест, например, музей Серебряного века, куда мы вчера очень даже удачно зашли с замечательным человеком Анваром Тавобовым – писателем и журналистом.

Зашли не просто так, а с цветами (розами), поскольку в музее проходил творческий вечер, – причем тематический, посвященный художественному переводу – удивительной женщины Нины Габриэлян.

Так вот что я вам скажу, мои хорошие, я влюбился – и в Нину Михайловну, и в литературные поэтические переводы, точнее, в то, как она это делает.

Вот навскидку кого вы можете назвать из выдающихся переводчиков? Я вот особо не в теме, тем не менее у меня

и здесь есть свои авторитеты – Морис Ваксмахер (какое объединение его переводы моего любимого Алена Боске!) и Павел Грушко (Пабло Неруда в его исполнении – это нечто!). Теперь в этот свой небольшой список я добавляю Нину Габриэлян.

Итак, о вечере. Я по старой своей привычке хожу на такие мероприятия без фотоаппарата, но с ручкой и листочками, на которых я стараюсь записывать все, что услышал и увидел – такой себе импрессионизмус. Если что напутал, поправляйте. Ладно?

Мероприятие проводилось в рамках проекта «Культурная инициатива», организаторами и вдохновителями которого являются Данила Файзов и Юрий Цветков. Ведущим вечера был Алеша (хотя выглядел он как минимум на Алексея) Прокопьев.

Нина Михайловна – маленькая, стройная, изящная – покорила зал (который, к слову, был полон) буквально с первых стихов. А начала она, пожалуй, с самого трудного – с верлибров сенегальского поэта Леопольда Сенгора. Представляете, этот человек был президентом своей страны с 1960 года по 1980 год. И ушел со своего поста добровольно, что не свойственно для Африки. Нина Габриэлян считает его одним из крупнейших поэтов мира. «Верлибр – это непростая форма, лишенная опоры на все формальные поэтические признаки – ритм, рифму, – рассказывала Нина. – Кажется бы, переводы – не хочу, пиши что-то близкое к под-

строчнику, тем более что в советские времена за переводную поэтическую строчку платили по 1 рублю 50 копеек». Ан нет, ей в верлибре важно услышать поэзию, настоящую поэзию. Вот строчки Сегора, которые я успел записать: «желтые крабы сжирали мой изможденный мозг», «голос твой брызнул снопами лучей».

Нина Габриэлян родилась в Москве, окончила институт иностранных языков им. Мориса Тереза (отделение французского языка). Кстати, на вечере она читала также стихи на французском. Слышали бы вы, какая в зале стояла тишина! Это было завораживающе.

Но больше всего Нина Михайловна занималась переводами с армянского. При этом, призналась она, армянский язык знает не очень хорошо. По словам переводчицы, на это ее сподвигло знакомство с профессором Левонем Мкртчяном, который прислал ей сложнейшие подстрочники Ваана Терьяна. «Я тогда не совсем понимала, какие подарки мне буквально валяются с неба, – с улыбкой вспоминает Габриэлян. – Ожидала увидеть солнечные стихи, напоминающие полотна Сарьяна, а получилось наоборот. Предвкушала наслаждаться солнцем, а оказалось, что Терьян – ночной поэт, певец сумерек». Имитировать армянскую звукопись – это глупо, считает Нина Михайловна. Кроме того, добавляет хлопот ритм. К примеру, в родном языке ритмика звучит органично, а на русском получается частушка. Поэтому переводчику приходится, что называется, жертвовать ритмом, чтобы по-

лучилось крепкое стихотворение. Парочка цитат из Терьяна – «фонарей засыпающих очи», «боль моя, как от тебя излечиться, если ты неизлечима».

На вечере прозвучали переводы классика армянской поэзии Наапета Кучака, жившего в XVI веке. Его айрены (древняя форма армянского стиха), посвященные любви, оставляют сильное впечатление.

Говорилось также еще об одном мастере любовной лирики – Арутюне Саядяне, который известен под псевдонимом Саят-Нова (1712—1795). В какой-то мере судьба поэта, его стихи вдохновили знаменитого режиссера Параджанова на создание фильма «Цвет граната». Кстати, своеобразным дополнением к поэзии Наапета Кучака стала народная армянская песня в исполнении Марьям Егиазарян.

Один из самых любимых армянских поэтов для Нины Михайловны – Егише Чаренц. Он родился в 1897 году, год смерти можно не комментировать – 1937 год.

*Есть странные гости, незримые гости – без слов
Придут и поселятся в комнате тихо твоей.
И нет у них лиц и имен, нет у них голосов,
И не существует для них ни замков, ни дверей.
И нет у них тени – у этих живущих в тени.
Приходят без слов, и живут, и уходят опять.
И что им здесь надо, зачем приходили они? —
В сем мире, лишенном дверей, невозможно понять.
Лишь изредка странная грусть пробудится вдруг в нас*

Так тихо, как будто бы кто по лицу проведет...

Мы вздрогнем, с тоскою почувствовав – кто-то сейчас

Ушел навсегда и уже никогда не придет.

Он настоящий мистик, считает Нина Габриэлян, он многое прозревал в своей судьбе. По легенде, большевики после расправы над всенародно любимым поэтом всерьез боялись бунта. Поэтому его тело вывозили тайком в хлебовозке.

Об уходящей школе русского перевода рассказала в своем выступлении Юлия Покровская. «Перевод – это высокое ремесло, – сказала она. – Это навык, это школа, которая передается из рук в руки. Мы с Ниной счастливы, что застали великих русских переводчиков – Мориса Ваксмахера, Гребнева, Ревича. К сожалению, сейчас эта школа умирает». Раньше государственная политика была нацелена на поддержку художественного перевода, сейчас и опубликоваться сложно, и той поддержки уже нет, при этом нет и ограничений, которые существовали в советское время.

Художественный перевод, подчеркнула Юлия Покровская, это на 40% – талант, и на 60% – труд (тут почему-то вспомнилось интервью одного из российских олигархов, который говорил, что 40% успеха – это труд, мозги, целеустремленность, а 60% – удача и умение ею воспользоваться. Причем один из самых выдающихся атрибутов удачи – родиться в правильной семье, с правильными родителями). Талант и трудолюбие даны и Нине Михайловне Габриэлян,

к ним можно также добавить неумное стремление к знаниям и любовь к тому поэту, которого переводишь.

Нина Габриэлян призналась, что всегда ощущала тягу к Востоку, с особым вдохновением, что ли, она прочла (причем наизусть, она вообще практически все читала наизусть!) отрывки из поэмы курдского поэта Ахмеда Хани (1650—1707). Это была настоящая эротическая поэзия, описание брачной ночи: «розу целовал нарцисс, и трепетали венчики цветов», «и набухли от любви гранаты», «поцелуй – глубокий, как смерть».

На вечере прозвучали переводы с малайского языка, а также стихи казахского поэта Иранбека Оразбаева.

Отмечалось, что в наше время за большой переводческий труд мало кто возьмется, не заручившись поддержкой спонсора. При этом вспоминали, как Ревич в советское время в течение 20 лет переводил бесплатно, что называется, в стол. Потом его переводы стали классикой.

«Цель перевода – сделать качественное стихотворение на русском языке», – утверждает Нина Габриэлян. И в какой манере он исполнен – рифмованным стихом верлибры или наоборот – это не так важно. «Победителя не судят, – с улыбкой говорит переводчица, – а с живым поэтом нужно договариваться».

Март 2017

Поэзия без понтов и рисовки

Что-то под конец года литературная жизнь закрутилась. Лично для меня. Закрутила-замела... Недавно был на вечере «Трио из Бельв...», ой, не так – «Трио из Рио» – Михаила Гофайзена (Таллинн), Вадима Месяца (Москва и т. д.) и Алексея Остудина (Казань). В результате домой приехал в районе часа ночи, а вставать, как обычно, в четыре утра. «И зачем так мучить себя?» – спросите вы. И я гордо, заплетающимся от усталости языком отвечаю: «Надо потому что...»

Если честно, основной целью вчерашнего посещения Булгаковского дома для меня была встреча с Лешей Остудиным, который не частый гость в Москве. И мне нужно было проставиться.

Дело в том, что этот замечательный поэт и человечество написал мне рекомендацию в русский ПЕН-центр. Ну, и надо же мне хоть когда-то быть благодарным. В общем, приперся я на мероприятие с магарычом. А в Булгаковском – народу... ну не то чтобы тьма, но где-то около. И «все подходить и походить», причем все места уже заняты.

И те, кому не хватило места, спрашивают у Коровина: – Стулья есть?

Андрей с улыбкой им отвечает: «Нет конечно. Все пропили». И дальше добавляет: «Если есть места – радуйтесь, нет

места – подвиньте соседа».

Такая вот обстакановочка.

Но что, собственно, рассказать за это мероприятие? Ну, во-первых, я возмущен. Да-да, заявленных в программе песен и танцев народов мира так и не дождался. Не считать же танцами ритуальные хождения Леша Остудина – туда-сюда возле пианино. А во-вторых, я восхищен.

«Три старых друга из разных городов, – так представил выступавших организатор вечера Андрей Коровин. – При этом они совершенно разные – по менталитету, по стихам, по отношению к женщинам и алкоголю. Лауреаты различных премий, члены редколлегий и так далее...»

И началось. Ребята – точнее, не ребята – мужики – предложили зрителям простой, но очень эффективный в плане зрелищности и восприятия формат: каждый из выступающих читает не больше 5 минут. Начинал Вадим Месяц, подхватывал Алексей Остудин, завершал Михаил Гофайзен. И так нон-стоп несколько кругов. И знаете что? Это было круто.

Авторы действительно разные, но при этом их выступление смотрелось на редкость цельно и содержательно. Вадим читал «500 сонетов к Леруа Мерлен». Его выступление задавало ритм, который его товарищи не спешили подхватывать, поскольку каждый из них находился в своем поле, на своей волне. «Леруа Мерлен – это не строительный магазин, в котором, кстати, я никогда не был, – объяснил Вадим Месяц. –

Для меня это Прекрасная Дама – Мерлин Монро, Мата Хари, Марина Влади, Офра Хаза...» Четкий чеканный голос, сдвинутые на макушку очки, легкий ироничный прищур.

Ловите цитаты, мои дорогие. Наслаждайтесь и завидуйте мне, потому что я это слышал целиком в авторском исполнении: «подальше от мутантов и жлобов», «зачатка восхитительных окурков», «он прочитал Эвклида при свече», «я грязью смажу раны на лице», «а нам-то что? Гагарин видел Бога!». Вадим читает достаточно быстро, как будто шахтер работает в лаве отбойным молотком. Еле-еле успеваешь записывать этот поток, от которого дух захватывает – «спаси меня от приступа хорей!», «я не дышал, дышала только ты \из нас двоих, влюбленных астронавтов», «нас победит ползучая измена», «про всадника, что жил без головы», «Принцесса, что любила абрикос, \ну, а ее никто не полюбил...».

Как вам строчки? чувствуете, какие стихи? – легкие, парящие, изящные. И крепкие. Они как рюмочка арманьяка, который я привез Леше Остудину.

А вот и он – гость из Казани – большой, сильный, спокойный, уверенный и добрый. В отличие от Месяца, он предпочитает читать в очках. Ритмика стиха, темп чтения – совершенно другие. При этом Леша не стоит на месте, все время движется, движения его плавные, завораживающие – такой себе медитирующий медведь. Образность в стихах сумасшедшая, игра со словом завораживает. Кажется, поэт немного ерничает, но это только кажется. В стихах Остудина

читается легкая грустинка, легкая, как «облако, плывущее брассом».

В одном из стихотворений он признается: «Научился читать без домкрата».

Ну как, заинтригованы? Так получайте! «Повернувшийся гранью стакан», «ворону пишем, сыр в уме», «проектор с линзой согрешил», «оставь немного места на метле», «наконец, прилетели грачи, \только их не увидел Саврасов», «разыгрался у ветра бронхит», «где сонную артерию гитары \зажал и держит пьяный гитарист», «грудь незнакомой девушке погладил \случайно. Обошлось без мата», «чем дальше в лес, тем ландыши жеманней», «лежим. Оголены, как провода».

Обаятельнейший Михаил Гофайзен. В нем чувствуется что-то эллинское. Седой, грустный, созерцательный философ, причем античный философ, которого занесло сюда, к нам, в наши беспокойные времена – «в эту эпоху на этой земле нет смысла во мне». Миша, ты не прав! Есть смысл, и еще какой!

В поэзии Гофайзена сочетаются суровость с нежностью, спокойная мудрость с отчаянием, взгляд с облака на наш бранный мир и попытка пророчества. «Однажды любовь и чужая вера погубят эту страну», «Ра все наврал про Рай», «до Никитских дошел инстинктивно, бесцельно», «мне опять уезжать в неприветливый Таллинн», «и до Сре-тенки мне не дотопать сегодня». Голос поэта сильный, глу-

бокий, иногда рычащий. Михаил незаметно совсем переходит с одной интонации на другую. Вот он заявляет: «Молодые львы всегда превращаются в старых». При этом с теплой ироничной улыбкой смотрит поверх очков на своих друзей – Лешу и Вадима. «Поседевший гном», «шагреновый сад», «распяты дороги гвоздями столбов», «снег помахивал нагайкой», «и январь был тихим-тихим, как сквозняк на чердаке», «ни вечного, ни временного нет».

Что еще? Наверное, нужно поблагодарить Вадима, Алексея и Михаила. За радость соприкосновения с поэзией. Настоящей поэзией, поэзией без понтов и рисовки. После таких вечеров хочется расправить плечи, хочется любить и верить, хочется жить. Спасибо вам, ребята!

Декабрь 2018

Онегин-блюз

Семейство наше совсем не фанаты лицедейства, но периодически – раз в полтора-два года – нас прямо-таки тянет к прекрасному, в храм, так сказать, искусства.

С прекрасным, если честно, я переборщил. Надо бы чуть понизить планку. Поход в театр для нас – это попытка сменить обстановку, прочистить мозги, расслабиться, опять же, семейные скрепы...

Но в данном случае все эти прочистки мозгов, скрепы – совершенно не катят. В данном случае это было, было... В общем, АХ!

«Онегин-блюз». Язык не поворачивается назвать действо спектаклем. Главные исполнители – Алексей Гуськов и Игорь Бутман.

Как бы описать эту постановку, чтобы было емко и без штампов? Знаете, это как глоток хорошего коньячка.

Кстати, я так и сделал – перед началом заказал в буфете пятьдесят граммов армянского пятизвездочного. «Мне кажется, Пушкиным нужно наслаждаться под коньячок», – как бы извиняясь, объяснил седой буфетчице. На что она мне ответствовала: «В таком исполнении, что вы увидите, Пушкин и без коньяка хорошо идет. Ну, разве чтоб лучше понимать музыкальную часть».

А ведь буфетчица оказалась права! Бутман в желтом пи-

джачке со своей изогнутой дудкой – под коньячок, а Гуськов с слегка задыхающимся голосом (или с придыханием) – и так хорош. Чертовски хорош. А струнный квартет в строгих костюмах и белых кроссовках! И как в их классику вливался саксофон. Иногда нежно и трепетно, а иногда – нагло и дерзко, но всегда – талантливо и гениально! А безмолвная балерина в образе Татьяны – тоненькая, изящная, сексуальная, пластичная. Боже, как она вилась у ног Онегина, когда он зачитывал только что полученное письмо Татьяны. А как скандировал зал: «Уж небо осенью дышало...» А рабочий сцены, который ни с того ни с сего (хотя, конечно же, и с того, и с сего!) затянул арию Ленского, и как Гуськов его гнал с помоста! ВАУ! Столько фишечек. Они расставлены везде. Ты понимаешь, что все это фишечки, но как же они затягивают.

А в концовке, когда Гуськов и Бутман сидят обнявшись (ну вот только бутылочки и не хватает), саксофонист достает из громадного контрабаса кепочку, отряхивает ее и без микрофона в зал выдает: «Мой дядя самых честных правил...»

Ребята, ну бомба же! Столько радости, ерничества, подколов и приколов, столько солнца! Вот только Ленского – ну очень жалко. В школе так жалко не было...

Май 2019

Рискованное мероприятие («О нежном, странном и смешном»)

В воскресенье я стоял перед выбором (так уж получилось) – пойти проголосовать за партию пенсионеров или поехать в Москву на творческий вечер Тани Риздвенко. Конечно же, победила Таня. А моей социальной активности хватило лишь на то, чтобы заглянуть на избирательный участок, занять очередь (представьте, очередь-таки была) и убежать, поскольку нужно было успеть на электричку...

У вечера было интригующее название «О нежном, странном и смешном». Проходил он в доме-музее Михаила Щепкина. Поначалу я не сообразил, где это и кто такой Щепкин – попутал с Щусевым (ну вот не очень у меня с топонимикой). Но, слава богу, определился, сориентировался.

О доме-музее. Знаете, наверное, есть особая аура выступать здесь. Зал для выступления оказался небольшим, был рояль, со стен смотрели портреты выдающихся деятелей культуры 19 века. У стены стояла шикарная софа (или канапе), захотелось занять там место. Не получилось, поскольку на ней (специально для меня) была записочка «Не садиться. Экспонат». Походил по другим комнатам, посмотрел картины и фотографии на стенах, изучил содержимое стеллажей. Было что посмотреть, чему поудивляться – прижизненное издание «Ревизора» Гоголя, собрание сочинений фон Визи-

на. В одной из комнат в углу – икона Богородицы. Гравюры (к своему удовольствию, нашел свое любимое Святогорье – откуда оно здесь?), портреты, бюсты актера Михаила Щепкина, Михаила Чехова (племянник Антона Павловича, выдающийся актер, основавший актерскую школу в Голливуде). Поразил факт, что это здание пережило пожар 1812 года.

Но о вечере. Здесь была другая неожиданность. Таня подготовила не поэтический вечер, она читала прозу. Согласитесь, рискованное мероприятие, тем более что рассказы, в общем, не такие уж и коротенькие – не эстрадные миниатюры а-ля Жванецкий. Было еще одно новшество – каждый прозовый этюд чередовался с оперным пением. Впрочем, на счет новшества я подзагнул – оказывается, такого плана выступления отнюдь не ноу-хау, а, скорее, традиция с незапамятных времен. О чем и сообщила в начале мероприятия Екатерина Сбытова, солистка «Новой оперы». Она же вместе с Юлией Гомзиковой (фортепиано) обеспечили музыкальное наполнение вечера. И знаете, оказывается, такая, на первый взгляд, гремучая смесь – современная проза и классический вокал – очень даже органична, трогает и волнует, дополняет друг друга, подчеркивает.

Проза. Сразу про себя отметил, что Татьяна Риздвенко (один из любимых моих поэтов) прозу читает лучше, чем свои стихи. Эмоциональнее, что ли. Рассказы больше напоминали сентиментальные эссе-воспоминания. Они не сочинялись, а записывались, поэтому доверие к ним было безого-

ворочное. Чувствовал себя Станиславским и после каждого рассказа говорил себе: «Верю!» Порой было смешно (до хохота), переживательно, а иногда грустно. Но риздвенковская печаль, как у Пушкина, – светла, в ней столько света и надежды. Таня в своей прозе может управлять мелодиями; великолепные пейзажи (почему-то подумалось, акварель), изящные диалоги и воспоминания, с которыми что-то нужно делать, и записать их – это как бы долг, прежде всего, перед собой, перед своей семьей, перед родителями... И мы, слушатели, тоже втянуты в эту орбиту, потому что Танина память соприкасается с памятью каждого из нас.

Каштаны – каштанка, пожар – Пушкин, песня – влюбленность, Девочка с большой буквы, Тбилисо – повесил свой сюртук...

И об этом же были арии в исполнении Кати Сбытовой. Ее глубокий голос, тонкие выразительные руки. Произведения Майне, Штрауса, Чайковского – тонкие, эмоциональные, притягательные. Поймал себя на мысли, что такие вечера могут быть кому-то терапией, лечить.

Что еще? Когда объявили, что мероприятие окончено, я удивился: «Как так? Почему так быстро?» И это здорово.

Сентябрь 2016

«Все любовь, что ни спросите!»

Ходить с пустыми руками на поэтические мероприятия не совсем правильно. Вот и я решил перед вечером Андрея Коровина не нарушать традиции, зашел в магазин. После рабочего дня ничего достойнее бутылки коньяка и коробки конфет придумать не смог. Радовало, что коньяк был не совсем обычный, даже вполне писательский, поскольку назывался «Жванецкий». А что, самое оно: концерт назывался «Все любовь, что ни спросите!», был приурочен ко дню рождения поэта... Поэтому крепкий спиртной напиток одесского разлива от самого Михаила Маньевича очень даже показался мне уместным. Блин, ну как тут не процитировать: «И соленым огурцом все это безобразие сверху прикрыть». Или как там правильно эта фраза звучит?

Перед мероприятием было время осмотреться. Вот так вот, вышел на площадь Маяковского – ноги на ширине плеч, руки как у Муслима Магомаева, напряжены, пальцы врасстыпырку, подбородок приподнят – осматривайся – не хочу. Половинка луны плывет по небу, смотрит на Владимира Владимировича, сам он повернул голову в сторону Кремля, молодежь качается на качелях... Красота! Москва, весна и... предательский кашель, который уже не забивается мятными леденцами «Холс». Ладно, хорош осматриваться, есть идея попить чаю в Булгаковском доме, что, похоже, уже

входит в привычку. Чай Булгаковский магический – дивной вкусноты. Полезность и целительная сила так прет. Во всяком случае, кашель на раз прекратился. Что за ингредиенты в него входят? «Кто же вам признается!» – хозяйюшка кафешки в этом плане непреклонна. Тайну чая так и не раскрыла, зато всучила печенье с предсказанием. Я его разломил и обнаружил записочку (как не съел?), которая гласила: «Пришло время действовать». К чему бы это?

Напротив, за столиком парень и девушка, похоже, репетируют какую-то пьесу. «Я знала, – чувственно произносит монолог молодая актриса, – что это не может быть правдой»...

Вот пробежала Нина Дунаева – ищет скатерть, чтобы накрыть стол на сцене. Вот прошла Аня Логвинова. «У вас случайно нет зарядного устройства для мобильного?» Зарядник – дело индивидуальное, можно сказать, интимное. «А какой у вас разъем?» «Знаете, сегодня именно такой зарядник у меня есть!» «Yesss!» – говорит Аня и подсоединяет мобильник.

Но пора выдвигаться в зал. Перед началом представления заглянул в примерку, или как правильно называется помещение, где настраиваются на выступление? Вручил презент Андрею, обнял его, пожелал радости, удачи и терпения. А главное – не терять присутствия духа и чувства юмора... В зрительном зале устроился, как обычно, у стеночки на откидном сиденье. Куртку и сумку бросил в угол. Последний раз я здесь сидел на вечере Маши Ватутиной. Почему-то подумал

о терпении, которое должно побеждать гнев. Так и записал: «терпение всегда побеждает гнев. Пусть даже этот гнев праведный». Зрители подходили и подходили, многие друг друга знают, обнимаются. И, как мне показалось, все они любят Андрея Коровина. Опять ни к селу ни к городу всплыла цитата, на этот раз из Дольского: «Меньше всего любви достается нашим самым любимым людям». На сцене скамейка, на скамейке тюльпаны, на другой стороне – стол, накрытый бордовой скатертью в тон кресел в зале. На столе чашечки и заварник – чай, что ли, будут пить?

А вот и Андрей Тарасов – он уже работает, фотографирует, выискивает удачные кадры.

К началу представления собрался полный зал. Значит, стихи все-таки нужны, востребованы. Звучит песня, французская, так и есть, Мирей Матье. В зале погасили свет. На сцене – красивое освещение – лунный свет (так, кажется, называется фильм-победитель последнего Оскара?). Песня пронзительная. И вот выходит Андрей – подтянут, на сцене держится уверенно, стоит крепко, читает с листа. «Ты кашляешь, весна...» И понеслось. Тебя будто захватило в водоворот слов, образов, рифм.

Инга Кузнецова – красивая, в кожаном плаще и шляпе, вся в бордовом. Тихий, чуть дрожащий голос. «Я знаю наизусть все элементы», «Там будет снег и трубы»... Ребята на сцене пытаются играть любовь. Они будто фехтуют стихами. Смотрится все гармонично. Он и Она будто на од-

ной волне, стихи их похожи, получается чувственный диалог. «Любовь шипучая колючая» – кому из них принадлежат эти слова? Андрей вскакивает на скамейку, Инга бросает шляпу. «Парусник-апрель», «женщины – тюльпаны, мужчины – хризантема». Инга снимает плащ. Голые, белые, тонкие руки. «Оргазмы разлуки», «лодочка удовольствия на волнах весны», «держи меня, дыши меня, весна», «я измеряю женщин китайскими колокольчиками».

*самое главное в женщине —
это история ее души,
не глаза или попа,
не губы и грудь,
а сколько тысяч ли
прошагала ее душа
для встречи с тобой.
твой колокольчик, я слышу,
не перестает звенеть.*

Это строчки из стихотворения Андрея. А вот Инга:

*и вот мне приснилось, что ты – это каждое «ты»,
что нет в языке ни «она» и ни «он» и тем более
«я»,
что другая реальность – лишь только завеса,
что выйдешь из платья, как будто из темного тела,
повсюду в тебя,
и что ты есть открытое поле*

*и книга,
и вот мне приснилось, что сердце мое – только свет,
слепящий мучительно-белый,
отчаянно-ровный,
что все прощено и что
юди – мои одноверцы,
и братья, и сестры по белой светящейся крови,
что смерть с нами тоже на «ты», только ужаса нет.*

Образы-образы-образы. Густо. Ярко. Ощущение такое, будто ты растворяешься в словах, плаваешь в них, плещешься.

«Выйдешь из платья, как будто из темного тела», «Осень, с неба упавший восторг».

Жесты выверенные, продуманные. Цветы то бросают на пол, то поднимают с пола, то рвут лепесточки. Бедные тюльпаны! Насорили. «Поэтам все разрешено?» Ой, так ли на самом деле?

«Если смотрели в глаза – рождались дети», «если любила – была несчастна». Инга уходит. Выходит Анна Логвинова. В шикарном платье. У нее детский бодрый голос. Она улыбается. Она ловит смешинку. Вся театральщина и актерская игра – по боку. Поэт становится самим собой.

*Известен утренний прогноз,
И без зонта не выйти на люди.
Еще не кончен сенокос,*

*А я люблю тебя без памяти.
Ни одному из прошлых дней
Теперь я больше не помещица,
Они уже не спят во мне,
Не снятся мне и не мерещатся.
А ты опять косил траву,
Косил так счастливо и запросто,
Как будто я с тобой живу,
Уже давно, с шестого августа.*

Аня внесла живинку, радостную такую живинку. Опа! Она прямо на сцене снимает сапоги и ходит босиком. И это так естественно и умильно. Андрей уже где-то в стороне, он, как положено мужчине в танце, только оттеняет женщину, дает ей возможность как можно лучше раскрыться. И Аня раскрывается:

*Давай-давай, скажи, что ты не ежик,
скажи, что ты не ежик не в тумане,
тогда блеснет в моем кармане ножик
и ты поймешь, что я ничуть не аня,
особенно сейчас, в такое время,
когда идем под разными дождями,
и разговариваем не по теме,
и я не аня, и никто не аня,
и я твержу, что русские святые
похожи на осенние опята,
и мы с тобой такие непростые,*

такие невеселые ребята.

Андрей отвечает Чюленисом:

светился дом небесным пламенем

сквозь догорающий закат,

и падал диск луны отравленный

пузатым монгольфьером в сад,

неопалимее Чюрлениса

вставало небо надо мной,

и отвечало эхо голосом...

Подумалось, как же сложно, выстраивая такой диалог, соответствовать друг другу. Андрей на фоне Ани, как Евгений Онегин с Татьяной – традиционен, предсказуем, классичен. Логвинова шпарит (практически все!) наизусть, бывает, сбивается, но в этом-то и заключен шарм, непосредственность. «Мне с детства было страшно за стихи», «звездочки-балбески, месяц-дурачок».

Иногда во время представления в зале происходили удивительные вещи – например, смеялся ребенок, или человек с шикарной лысиной вдруг залазил на стену и шел по ней. Представляете, лысый человек идет по стене, как канатоходец! Фантастика, да и только. Понятно, что это не было номером программы, просто ему захотелось выйти.

А в это время Андрей делился сокровенным «нам доброты для счастья не хватило», «ты небо из гугла скачала».

И, наконец, Анна Аркатова. Еще один диалог. Эмоциональность вышла на другую тональность. После брюнетки –

блондинка. Анна – неземная, в ней есть что-то от Снежной Королевы. Читает неторопливо, кажется, даже отстраненно. Голос вкрадчивый, отнюдь не звонкий, но стихи-то звонкие, короткие, емкие.

*Сказал, что мы живем на северо-востоке —
И тут же запахнул поглубже воротник,
На свете счастья нет, а есть слова и строки...*

А какие Анна выдает концовки!

*своего опыта нет – запасись чужим,
полистай журнал, книжищу пережуй,
небольшим ножом сделай простой нажим,
по кефирной крышечке большие не приезжай,
остывает полночью стеклобетон,
и вот-вот наладится кровоток
между краем справа лежащих жен
и уснувшей слева от этих строк.*

Но в самом интересном месте у меня звенит будильник, мой внутренний будильник. Пора убегать. Если поеду на последней электричке с Андреем Тарасовым – то завтра на работу просто не встану. И вообще не встану.

Хватаю куртку и рюкзак, выхожу на цыпочках. На выходе сталкиваюсь с Юрой Коньковым, обнимаемся. Укладываю листочки и ручку в рюкзак. И вдруг слышу: «Слава богу, я успела!» Это Аня Логвинова возвращает мне зарядное

устройство, о котором я уже и забыл. «Ну, как?» – спрашивает меня шепотом Аня. «Обалденно!»

Апрель 2017

Астры и «Профиль чёртика на штукатурке»

Вчера мы сдавали в печать очередной номер нашего журнала. Читка всех статей, таблиц и цифири, выискивание блох-ошибок, внесение правки, опять читка. Завершающие моменты, если честно, мне всегда даются с трудом. После написания своих статей, поиска картинок для оформления, вычитки и редактуры всех материалов, идущих в номер, это, наверное, сродни последним метрам марафонца. В глазах ежики, в голове – каша, причем очень горячая. Ну а кому легко в этой жизни.

Наконец, как сказала Лена, верстающая журнал, файл отправлен в типографию. Можно спокойно вздохнуть или выдохнуть, тем более что уже конец рабочего дня и пора собираться.

«Поэту собраться, что голому подпоясаться», – почему-то всплыла в неостывшей моей голове эта фраза. Но какой из меня поэт? Поэзия – это ведь когда живешь строчками, когда жить без них не можешь. Опять же, поэт – это даже не стихи, а поступок – гражданский ли, просто человеческий, но всегда с оттенком героизма и всегда в защиту. Я в этом плане к племени поэтов совершенно не подхожу – без стихов и поэзии могу жить годами, позиция моя жизненная – обывательская, если не мещанская. А когда душа тя-

нется к чему-то такому – ну, зарифмуешь несколько строчечек или не зарифмуешь, обзовешь это верлибром – типа, сойдет и так.

Впрочем, о чем это я? Ах да! Что там со временем? Почти 18 часов, а в 18:30 в Булгаковском доме состоится вечер замечательного поэта Лилии Милицкой – моей землячки, выросшей в Мариуполе, светлого и отзывчивого человека. И я обещал быть. Быстренько позакрывал все окошки в компьютере, выключил его, накинул курточку (обращали внимание, как приятно в этом слове растягивать звук «р», кажется, это из советского фильма про Бурратино) и рюкзак – за спину. Вперед, за орденами! То есть за цветами, конечно же!

«Хорошего вечера, пусть женщина, которой вы подарите эти астры, будет довольна», – с улыбочкой, как старому знакомому, подмигнула мне цветочница, оборачивая целлофаном букет.

«Так это астры! Как здорово! Помните, „август – астры, август – звезды, август – гроздья винограда и рябины ржавой август“?»

«Классно...» – мне показалось, что в глазах у продавщицы мелькнула толика грустинки.

«Show Must Go On!» – звучало как-то щедро, по-русски, без Меркьюревской надрывности, но четко в ноты. Это у памятника Маяковскому – концерт. Смотрелось прикольно – барабанщик и два гитариста, из которых один солист, ну, типа лидер группы, довольно-таки внушительная толпа – под-

певающая, танцующая, снимающая на айфон. А что – ракурс необычный: люди в черном с гитарами, и тут же рупор революции, футуристический гигант Владимир Маяковский, гостиница «Пекин» и тяжелые облака. Понятно, что в такой обстановке важно было сохранить букет, поэтому, не дослушав мега-хит Queen-ов, я поспешил в Булгаковский.

На «нехорошей» квартире – чуток суетно, чуток взбалмашно, но всегда мило. Лиля сидела за столиком, готовилась к выступлению. В коридоре с фотоаппаратом на груди ходил Сергей, ее муж. Мы поздоровались. А потом Лиля нас представила друг другу. Каша в моей голове стала остывать, я мило про себя улыбнулся: «Нормально, че», – и решил не затягивать с вручением букета. «Какие милые, – обрадовалась Лиля. – Наши, донбасские. Астры. А как пахнут!»

Но я, как всегда, увлекся вступлением. Пора уже переходить к основному действию, тем более что Лола Звонарева, хозяйка гостиной, под патронатом (заметили, какой милитаристский корень в слове?) которой проводилось мероприятие, пригласила всех в зал. И, знаете, как-то незаметно, но оказалось, что зал вскоре заполнился, свободных мест практически не было. Вот это Лиля! Вспомнилось, как перед началом она на полном серьезе рассказывала поэту Андрею Галамаге, почему она называет свои творения не стихами, а стишками. «Не, ну стишки – это несерьезно, – негодовал Андрей. – Поэт должен уважать себя. Не стишочки, но стихи. Речь ведь идет о поэзии». «А мои пусть будут стишка-

ми», – не соглашалась Лиля.

Я слушал их милую дискуссию и повторял про себя слова любимого своего поэта Алена Боске из переводов Мориса Ваксмахера, что-то типа такого: «зовите меня „алебастром“, „ласточкой“ или „ручьём“ – буду знать, что речь идет обо мне» и дальше «меня оскорбить невозможно: все на свете слова – синонимы для меня».

Итак, Лола Звонарева – с какой-то печалью в голосе (или мне показалось?) – открыла первое осеннее заседание своей гостиной рассказом о Лиле Милицкой. Родилась в Калининграде, выросла в Мариуполе на Украине, после школы трудилась в типографии – наборщицей, корректором. Потом – факультет журналистики МГУ. Дальше работа в брендовых изданиях «Комсомольская правда», журналы «Работница», «Здоровье». Автор трех поэтических книг: «Десять лет», «Веретено», «Золотой шар». Лауреат фестивалей «Степная лира», «Генуэзский маяк», «Врата поэзии» (Румыния)...

От официальной информации из биографии почему-то стало волнительно. Чувствовалось, что за этим стоит трудная большая жизнь и непростая судьба. Теперь было важно понять, как автор может переводить это в образы, рифмовать, соединять в стихи. Оказалось, что не просто может, а живет этим. Боль и радость, тепло и холод, долгожданная встреча и разлука, любовь и равнодушие, черное и белое – все рифмуется.

Я придержу цитаты, ладно? А пока такое наблюдение: как

хорошо, что Лола посоветовала Лиле читать стоя. Во-первых, это красиво, а во-вторых, это... тоже красиво.

И понеслось. Представьте себя лодочкой, плывущей туда, куда захочет течение, а вокруг вас такие строчки:

«Проходишь под белым наливом». Мне при сочетании «белый налив» становится трудно дышать. Это наши два дерева, это наши огромные сочные яблоки, это мой дом...

«Белки, когда взбиваются, похожи на стихи». Представляете, какой должна быть выпечка в исполнении Лили! Гениальная же строчка. Три восклицательных!!!

«С неба будет лето стекать, как синий мед». Это про Мариуполь. Точнее, про Жданов. Это там такое небо.

И опять о лете. «Светиться будет лето – по-скромному, по-бабьи».

«Чтобы стыдились судьи и больше не судили». Стихотворение сорвало аплодисменты – хотя хотелось просто тихонько цокать от восхищения языком и слушать, растворяясь в том мире, в том пейзаже, в тех образах, которыми делился с нами поэт:

«Станция Сухаревская – это сухарик, размоченный в чае», «каштаны навзрыд», «стоит парикмахерша в чунях», «два кофе, две звезды на потолке», «снег, летящий к земле без эпатажа». И вот как непреложная истина – «куда же ехать, если не домой». Кстати, нужно посматривать на часы, мне ведь еще ехать в Сергиев Посад.

Лилия называет свои стихи грустными, но это, мне кажется,

ся, стереотип, внушенный автору невзыскательной, но восприимчивой публикой. Светлые? – да! Нежные? – да! Очень личные, привязанные так или иначе к какому-нибудь событию. В них отражено все: и путешествия в Париж («город, как и ты, в меня влюблен»), Геную («путать себя с Беатричче и Бьянкой», «а листья у дуба совсем как у ивы»), и трудный развод («буду ехать в чей-то электричке», «а в зеркале явно облик потери»), и преддверие новой любви, новой семьи («золотая птица поцелуя», «двенадцатый удар укажет: ты рядом с тыквой. Вуаля!»).

Поэзия Милицкой – звенит, но нужно прислушаться. Чтобы услышать настоящее, всегда нужно прислушиваться. Поэзия Милицкой – парящая облачко о личном. Поэзия Милицкой отзывчива и ответственна. В коротеньких стихах я улавливал ерничество и даже легкую юродивость Николая Глазкова, в описаниях Москвы, Мариуполя, Санкт-Петербурга слышался Борис Чичибабин, журналистская честность, выверенный слог, безупречный русский язык. Ой, как приятно хвалить... Но, чу, на вечере выступила Надежда (не успел записать фамилию). Она, как и я, записывала за Лилей. Ею были выделены потрясающие по образности и внутренней наполненности строчки: «Нам далеко не надо. Голгофа – это здесь», «Август фасует семена», «Профиль чертика на штукатурке»... Но вывод Надежды был достаточно жестким и категоричным, попробую сформулировать его в своей интерпретации: автор прекрасно владеет искусством

выписывать детали, но она не полностью использует эту свою мощь. Здесь, наверное, можно в чем-то согласиться, а с другой стороны, мне кажется, Лилия Милицкая как поэт про себя все давно знает, она пишет, как дышит, она пишет, что видит и что слышит. Немножко признания – хотя, как уверяет поэт, ей и это совсем не нужно.

О щедрости и поэтической обязательности Лили говорили ее друзья, организаторы фестивалей «Степная лира» и «Генуэзский маяк», супруги Иван Белокрылов и Ирина Ковалёва.

А ее однокурсник по МГУ, мой замечательный товарищ Алексей Турбин, открыл авторские тексты совсем с другой стороны, написав на них музыку. И получилось, нужно сказать, огненно! Блюз «Встреча у рояля» был шикарен. Грустное, в общем-то, стихотворение Алексей исполнил с такой неожиданной харизмой, что подумалось, а ведь песню запросто можно было бы продать, скажем, на «Радио Шансон».

Ночью Лиля написала мне в личку: «Володя, очень рада была тебя обнять. А астрочки вот, заняли свое место. Надеюсь, что через четыре дня будут такими же красотками и дождутся меня. Через пять часов жду такси в Шереметьево, командировка в Сочи. С бала на корабль. Сережа выложит фото, мы там с тобой чудесно сидим в баре. Обнимаю и ложусь поскорее. Еле успела собрать чемодан».

Поистине: поэту собраться, что голому подпоясаться.

Сентябрь 2019

Это был диалог

Идея сходить на поэтической вечер Анны Золотаревой принадлежала Татьяне Риздвенко. «Она хорошая», – сказала Таня. Из ее уст это прозвучало убедительно и рекомендательно. В общем, мы тут же договорились о встрече, решив заодно лишний раз обсудить с Таней наши совместные творческие планы, коих у нас громадье.

Но о планах (многие из них писаны вилами по воде) рассказывать не буду. Поэтому скажу о... хризантемах, которые я купил после работы, чтобы вручить их «хорошей» Анне. Хризантемы – чудные такие, бардовые, с зеленым пятнышком в центре (впрочем, я слабо разбираюсь в цветах и цвето-коррекции, могу напутать) – пахли нежной горечью всю дорогу. Люди в метро оборачивались на меня и смотрели то ли с сочувствием, то ли с завистью.

Забегая вперед, признаюсь, что такие же чувства нахлынули на меня после поэзии, прозвучавшей лично для меня неожиданно мощно и трогательно.

Раньше со стихами Золотаревой я не был знаком, то есть, вы понимаете, что чудо, связанное с открытием нового автора, мне еще предстояло испытать. Что, собственно, и произошло. Анна прекрасна – рыжая, в очках, тонкие пальцы, глубокий голос, к которому почему-то сразу возникает доверие.

Вечер проходил в библиотеке иностранной литературы. У нас с Таней особое отношение к этому, можно сказать, намоленному месту, поскольку еще недавно мы выступали там, правда, в другом зале.

Серый ковролин на полу, такого же цвета стены, ну, может быть, чуть светлее, окно до потолка, форточка приоткрыта. За окном Москва – жужжит, мурчит, заливается электрическим светом. Стулья для слушателей расставлены уютным полукружьем, в центре которого два красных кресла, белый столик с двумя микрофонами, две небольшие бутылочки воды «Сенежская».

Выступающих было двое. Место рядом с Анной занял Антон Дубин. Как оказалось, Антон составлял программу мероприятия. И, нужно сказать, что, будучи музыкальным журналистом, он, составитель, сделал это виртуозно. Программа слушалась и воспринималась как музыкальная пьеса, причем драматургически выверенная, поскольку Анна вела диалог с тремя удивительными поэтами: Борисом Дубиным, Сергеем Морозовым и Олегом Юрьевым – увы, уже оставившими этот мир.

«Это не мемориальный вечер, – отметил сразу Дубин. – Это вечер Ани. Я очень сожалею, что ей не удалось пообщаться с моим отцом». Из троих поэтов, произведения которых представлял Антон, Анна была знакома только с Олегом Юрьевым, с которым она познакомилась незадолго до его ухода.

По задумке авторов, программа должна быть неделимой композицией, в которой каждое стихотворение живет своей собственной жизнью. Так оно и произошло.

По привычке я старался записывать на листочках отдельные фразы звучащих стихотворений. Мне практически всегда это удавалось, а тут – я вдруг утратил все свои навыки скорописания. Да и к тому же попробуй угонись за музыкой, звучащей как классическое произведение, неистово и глубоко. Я не только не успевал водить ручкой по бумаге, не успевал вздохнуть. Настолько увлекло чтение Антона и Анны. Это был диалог. Антон после каждого прочитанного им стихотворения называл не только автора, но и год написания, что звучало вполне логично и казалось неотъемлемой частью композиции. Диалог получался достаточно многогранным: молодая красивая женщина вела разговор не только с тремя мужчинами, она беседовала со временем, с эпохой – 60-е годы, 70-е, 80-е... При этом не было ощущения, что настоящее спорит или что-то хочет доказать ушедшему. Нет! Стихи Дубина, Морозова и Юрьева звучали так же современно, ярко и остро, как и Анны Золотаревой.

«Пьяно немотствует совесть» (Борис Дубин), «Не все неси книгопродавцу, себе оставь стишок другой» (Сергей Морозов), «Я проснусь на заре от стыда и злобы» (Олег Юрьев).

Может, их объединяло острое чувство одиночества?

«Мы – провинциалы Вселенной», «Привыкая к уплотненной неотзывчивости» (Анна Золотарева).

Стихи читались без пауз, одно за другим. Ритм, ритм, ритм! Вот за окном с ревом проехал мотоцикл. И тут же Анна как ответ на этот рев: «На Первомайскую выходит люд веселый, за ними время...» И все – мотоциклист уже стал иллюстрацией к стихотворению.

Может быть, это был спиритический сеанс? Разговор живого с неживым? Нет! Живая разговаривала с живыми. Они – Борис, Сергей, Олег (возможно, их уместнее называть по имени-отчеству?) – были живыми в своих стихах.

Четыре поэта. Звенья композиции цепляются одно за другое – словом, образом, чувством.

«Для какой-то нужды уцелел на земле» (Сергей Морозов), «Страшно сказать, меня насилует все... – деликатность и чувство справедливости. Ради радости» (Анна Золотарева), «Ластонька милая...» (Олег Юрьев), «Шмель дуралей» (Анна Золотарева), «Голубь, что ли, бродит по карнизу...» (Борис Дубин).

Показалось, что по мере чтения с читающими происходила трансформация – голоса Антона и Анны звенели, звучали все отчетливей и отчетливей, выделялось каждое слово. Выделялось и тут же уплывало... Какие-то изменения происходили и во мне – слушателе. Я будто чувствовал их физически, я будто терял реальность, с меня будто сняли одежду, я будто бродил голышом-босиком по серому ковровину.

«В раю, должно быть, снег» (Олег Юрьев), «Во избежание падения держись за поручни» (Анна Золотарева), «Видишь,

по аллее вихляет желтый лист?» (Сергей Морозов), «Кто может сравниться с шалавой моей?» (Анна Золотарева).

Все сливалось в одно – поэты, эпохи, голоса. И было неожиданно, когда вдруг все прекратилось. И наступила тишина. Зрители сидели ошарашенные и молчали.

«Как тебе?» – спросила Анна свою дочь Лизу. «Мама, это было настолько сильно», – прозвучало в тишине.

А дальше был разговор со слушателями – тихий, теплый, душевный. И никто не хотел расходиться. Да и уйти было невозможно, поскольку двери в зал, где проходило мероприятие, захлопнулись и не открывались – ну, не мистика ли!

В заключение хочу привести фразу Антона Дубина о поэзии Анны: «Когда поэт такого уровня, слуха и голоса, который меняется от стихотворения к стихотворению, так редко выступает – это неправильно». Согласен.

P. S.

Борис Дубин (31 декабря 1946, Москва – 20 августа 2014, там же) – переводчик англоязычной, французской, испанской и латиноамериканской, польской литературы. В 2006 — 2012 гг. руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), заместитель главного редактора журнала «Вестник общественного мнения». В 2012—2014 член редколлегии журнала «Иностранная литература». Лауреат ряда премий за эссеистику и переводы. Кавалер Ордена заслуг (Франция, 2008).

Сергей Морозов (30 ноября 1946—31 августа 1985) – русский поэт. В 1964—65 гг. был близок к литературной группе СМОГ, участвовал в нескольких выступлениях группы, в правозащитном Митинге гласности 5 декабря 1965 на Пушкинской площади, печатался в самиздате (альманах «Сфинксы», перепечатано в журнале «Грани», 1965).

Олег Юрьев (28 июля 1959, Ленинград – 5 июля 2018, Франкфурт-на-Майне) – русский писатель, поэт и драматург, переводчик, литературный критик. Один из основателей литературной группы «Камера хранения», куратор одноименного сайта в интернете. Преподавал (курс по истории русской поэзии XX в.) в Иллинойском университете в Урбэне и Шампейне, США (2009).

Октябрь 2019

Праздник узнавания

В библиотеке искусств имени Алексея Петровича Боголюбова прошел второй вечер Русского ПЕНа, в котором на одной площадке, то бишь в одном зале, за одним микрофоном сошлись... нет, не «лед и пламень», а поэт и прозаик. Вечера идейный вдохновитель проекта и ведущая Женя Декина представила двух московских литераторов – писателя, эссеиста, вице-президента Русского ПЕН-центра Бориса Евсеева и поэта, редактора «Литературной газеты» Максима Замшева.

Тон вечеру задали артисты, которые представили небольшую инсценировку по одной из глав нового романа Бориса Евсеева «Очевидец грядущего». Понятно, что у актеров совершенно не было времени на репетицию, тем не менее они достаточно бодро прочли на два голоса диалог, в котором прозвучали «дерзкие слова о грядущем».

Далее эстафетная палочка в виде микрофона перешла Максиму Замшеву. К своему стыду, с его поэзией я раньше не был знаком. А зря. Стихи по-настоящему зацепили. Удивительно было еще то, что они гармонировали с авторской манерой чтения – спокойной, обстоятельной, сдержанной и несколько отстраненной. Поэт читал с легкой улыбкой, держа поэтический сборник двумя пальцами на расстоянии вытянутой руки. Вот несколько цитат, которые успел по хо-

ду записать (заранее прошу прощения за возможную неточность):

«Музыка во мне сжалась – \что ни говори, жалко», «я привыкаю праздновать без тебя», «новая жизнь не приходит на место старой», «шансы лежат, как мертвые», «плохие сны, как чужой конвой». Или вот это – «булочная работала до восьми\предлагали кофе и ром-бабы». К сожалению, не нашел в сети это стихотворение – оно классное!

Зато нашел вот такое (оно также прозвучало на вечере):

*Так много писали о Крыме,
Что если бы строчки гуляли,
Они бы заполнили все от Джанкоя до Ялты.
Почтовая стонет открытка,
Влюбленная в маленький ялик,
Пора уж исполнить последнее долгое сальто...
Ведь цирк навсегда уезжает,
И море глотает веревки,
Которыми что-то к чему-то крепилось недавно.
Трепещет вечерняя жалость,
А сердцу не хватает сноровки
Смириться с глухими ударами Божьего дара...*

Борис Евсеев – полная противоположность Замшеву. Мне даже показалось, что в его прозе и в том, как он подает ее слушателям, больше поэтического, эмоционального. При этом чувствовалось, что роман «Очевидец грядущего», от-

рывки из которого зачитывал писатель, – сложный, многоплановый. Как рассказал Борис Тимофеевич, в его новом произведении (роман только что вышел в издательстве «ЭКСМО», и автор еще не получил авторские экземпляры, более того, «толком не успел подержать в руках») история двух братьев Авеля и Каина плавно переходит в линию трех российских царей.

А как читает Борис Евсеев! Заслушаешься. Буквально на первом же предложении он устанавливает контакт с аудиторией, со зрителем. И зритель сидит как замороженный.

«Легонькой, как пух, душа должна быть», «нечто приятное, как утро, как влага на губах», «граммы не отвергнутой любви», «прозрачная душа как планшет на груди»...

Который раз поразила динамика Евсеевской прозы, ее напевности. Не зря, как отметил кто-то из критиков, новый роман автора – это симфония. И, конечно же, авторское видение. Такой текст нельзя выдумать, всю ситуацию нужно не просто прочувствовать, ее нужно видеть! Поэтому самые, казалось бы, фантастические, точнее, мистические образы и сюжеты воспринимаются как реальные, происходившие в жизни.

Понравилась атмосфера в зале. Зрителей было немного (кстати, несколько человек приехали из моего родного Сергиева Посада), но их внимание и сопереживание услышанному передавались авторам, которые чем дальше, тем с большим удовольствием представляли свое творчество.

Вечер проходил без пауз, по нарастающей.

Своеобразный итог выступлениям подвел поэт и философ Константин Кедров. «К сожалению, по-настоящему творчества друг друга мы не знаем. Поэтому нынешнее мероприятие для меня стало большим праздником. Непридуманная проза Бориса Евсеева – сродни мистическому прозрению. В поэзии Замшева можно услышать настоящее, глубокое, личное», – сказал Константин Александрович. И добавил: «Пережитое не уходит никуда, это навсегда».

Декабрь 2018

И отрастали пейсы у меня...

1

Непросто день вчера складывался. Человеку, о здравии которого я уже несколько дней читаю по утрам канон о болящем, стало плохо, вызывали скорую. Я, по возможности, молился. Ну, как молился – пару раз прочел молитву о здравии и все повторял про себя: «Господи, помилуй!»; параллельно приходилось заниматься статьей о Куюмбинском месторождении.

А потом, когда мне сообщили, что болящего удалось в экстренном порядке покрестить, я побежал в церковь – у нас рядом с работой находится подворье Валаамского монастыря – подал записочку, заказал молебен о здравии. И, знаете, чудо произошло. Человеку стало лучше, пусть ненадолго, но лучше.

К концу рабочего дня я чувствовал себя если не выпотрошенным, то выжатым в чай кусочком лимона. И в таком состоянии мне предстояло еще посетить одно мероприятие, на которое я давно очень и очень хотел попасть. Речь идет о концерте «Алте захен – старые вещи» с участием одного из любимых моих поэтов – Ольги Аникиной.

2

Не знаю, как, но мне удалось заставить себя преодолеть свое состояние и все же пойти в «Гиперион», где ребята из Питера представляли программу, построенную на еврейском фольклорном материале – времен концентрационных лагерей и гетто.

Легендарный книжный магазин «Гиперион» пришлось разыскивать, что называется, с поисковыми собаками, при этом я отдавал себе отчет в том, что уже несколько раз был там. И все равно пришлось знатно попетлять фактически по ночи (начало концерта в 20 часов) по переулкам Китай-города. «Впереди на холме ясно виден шпиль церкви князя Владимира – это ориентир, до которого нужно дойти», – подсказала мне инструкция под названием «Как идти от метро ногами», заблаговременно скачанная мною с сайта магазина.

Персонал «Гипериона» был занят подготовкой зала: готовили крохотную сцену, вывешивали экран, расставляли стулья, настраивали микрофоны, аппаратуру, свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.